

Альбер Собуль
ФРАНЦУЗСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
(XVIII-XIX века)

**Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг.
и Революции 1848 г. во Франции**
перевод с франц. Э.Тастевена
под ред. А.В.Адо
М.: Иностранная литература. 1960

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2012
Тематически связанные материалы даны нами после статьи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В 1848 ГОДУ

Капиталистическое преобразование сельского хозяйства
Крестьянские волнения накануне 1848 года
«Лесные беспорядки» в 1848 году
Крестьянские волнения и общинные угодья
Крестьянские волнения и права пользования
Борьба классов в деревне
Борьба против ростовщиков
Борьба против крупных земельных собственников
Борьба против налога в 45 сантимов
Политическая эволюция бедных крестьян с 1848 по 1851 год
Против «Республики богачей» и за Луи Наполеона в 1848 году
Президентские выборы 10 декабря 1848 года
Переворот в настроении крестьян в 1849 году
Сопrotивление крестьян государственному перевороту
Паника в 1848 году

ПРИМЕР АГРАРНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ

В ОБЛАСТИ КРУПНОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА
Пюизё–Понтуаэ (Puisseux–Pontoise) (департамент Сена-и-Уаза)
и собственность семья Томассен

- I. Эволюция сельского ландшафта (1777–1940)
- II. Эволюция земельной собственности (XVIII век – 1940 год)
 - A. Земельная собственность и сельское хозяйство в XVIII веке
 - Б. Продажа национальных имуществ во время революции
 - В. Земельная собственность с начала XIX века
- III. Эволюция собственности Томассена
 - A. Хозяйство Томассена в конце старого порядка
 - Б. Покупка национальных имуществ

В. К земельной монополии (XIX и XX века)
Г. Современное хозяйство – «ферма-завод»

Заключение

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА (другие статьи см. в нашей библиотеке)

Вступительная статья Анатолия Васильевича Адо
Классы и классовая борьба во время Французской революции
Проблемы труда во II году Республики (С.66-88)
Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора (А.Собуль и Ж.Рюде)
(С.89-112)
Политические аспекты санкюлотской демократии во II году Республики http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_dem.pdf
Робеспьер и народное движение в 1793–1794 годах http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_rob.pdf
О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики)
Французская сельская община (XVIII–XIX века)
Крестьянский вопрос в 1848 году
Пример аграрной концентрации в области крупного земледельческого хозяйства
Приложение: Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию

ФРАНЦУЗСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА (XVIII—XIX ВЕКА)

Основные проблемы

Проблема сельской общины остается центральной проблемой истории французского крестьянства и, в частности, если оставить в стороне вопросы о ее происхождении и положении в течение средних веков, его истории в XVIII и XIX веках. Распад сельской общины, ускоренный Французской революцией, знаменует собой переход, имевший огромные социальные последствия, от натурального сельского хозяйства к капиталистической экономике. Эта проблема не менее важна и для этнографии: сельская община послужила базой развития народной литературы и искусства и целого ряда народных обычаев. Одним из основных вопросов является также вопрос о формах распада сельской общины, который привел к упадку, а затем и к смерти традиционного фольклора.

Различные науки, занимающиеся изучением жизни человека в обществе, содействовали выяснению этой проблемы. Основным вкладом исторической науки являются труды Марка Блока. Не следует также пренебрегать вкладом географии; особенно интересна недавно представленная диссертация о сельской общине в Нижнем Эльзасе¹. Наконец социология и этнография работают в этой области присущими им методами, в частности методом анкеты. Можно лишь подчеркнуть с самого начала

¹ Etienne Juillard, *La vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace. Essai de géographie sociale*, 1953. По вопросам, которые нас здесь интересуют, см. отчет Шарля Парена в «*Arts et traditions populaires*», 1954, p. 358.

значение взаимной помощи, которую должны оказывать друг другу история и этнография в деле изучения сельской общины. Историк найдет в народной литературе и искусстве ценный материал для социального анализа. Изучение крестьянского фольклора хотя и бесполезно для установления фактов и событий, которые историк восстанавливает с помощью более надежных источников, позволяет тем не менее увидеть отражение этих событий в коллективном сознании и осветить его глубокие тенденции. Историческая наука в свою очередь выявляет динамизм и постоянное становление социальных структур. Она доказывает ложность мифа о неизменности сельских обычаев, гораздо более переменчивых во всех областях, чем это было принято порой утверждать¹. Этнограф вслед за историком сможет разглядеть за иллюзией единого «сельского населения» («*peuple des campagnes*») существование различных классов. Крестьянский костюм — не является ли он одеждой зажиточного крестьянина? Костюм, мебель, само жилище — не отражают ли они классовые различия среди крестьянства? Марк Блок писал, что

«дома, если они имеют географические отличия, являются также своеобразным классовым институтом»².

I

Мы не намерены были излагать здесь историю происхождения сельской общины³. Укажем только на многочисленность региональных особенностей, связанных с различными историческими факторами. Образование сельской общины было результатом длительного процесса,

¹ Относительно мифа об «археодивиллизации» см. Charles Parain. *Un nouveau mythe: la civilisation traditionnelle*, «*la Pensée*», n° 23, 1949, p. 93; «*L'archéo-civilisation*», «*la Pensée*», n° 51, 1953, p. 129.

² Marc Bloch, *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*, t. II, *Supplément établi d'après les travaux de l'auteur (1931—1944) par Robert Dauvergne*, 1956, p. 194. См. также указания Марка Блока в «*L'art populaire*», «*Annales d'histoire économique et sociale*», 1930, p. 405; «*Les caractères originaux de l'histoire rurale française*», t. II, p. 187.

³ По этому вопросу, и, в частности, об отношениях между сеньерией и сельской общиной, см. Marc Bloch, *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*, 1931, deuxième édition, 1952.

черты которого можно проследить, изучая те эпохи, когда возникала необходимость вновь осваивать землю и восстанавливать деревни. Так было после Столетней войны¹, так было в Лотарингии и Бургундии после опустошений Тридцатилетней войны.

Гастон Рупнель описал этот процесс восстановления в дижонской деревне (после всех несчастий и бедствий, причиненных нашествиями во время Тридцатилетней войны), проходивший, правда, под руководством городской буржуазии².

В Лотарингии если возникновение связи между деревенским поселением и определенной земельной территорией еще мало изучено (хотя тексты отмечают начиная со средних веков значение общин в формировании общинных территорий — банов), то во всяком случае после Тридцатилетней войны, столь опустошившей эти провинции, земли и деревни приобрели, по-видимому, в ходе восстановления в конце XVII века весьма правильный вид. Внешний вид деревень и характер использования ими своих территорий смогли приобрести тогда единообразие и, в тенденции, определенное постоянство. Весьма возможно, что образование некоторых сельских общин происходило несколько позднее. Так, например, образование маленькой общины в Танконвиле (в настоящее время департамент Мёрт-и-Мозель) произошло в 1732 году. Постановление (Un agrêt d'appointé) 1732 года определило структуру деревни (улица с 12 домами, расположенными по обе стороны дороги и с отхожим местом перед ними), как и структуру территории общины (finage)³. Она состоит

Особенно гл. III и V [Марк Блок, Характерные черты французской аграрной истории, М., 1957, гл. III и V]. См. также соответствующие главы в II томе «Les Caractères originaux». Марк Блок пришел в конечном счете к убеждению, что сельская община старше сеньории.

¹ См. в качестве местного примера Ch. H. Waddington, Note sur la dépopulation des campagnes gâtinaises pendant la guerre de Cent Ans et leur reconstruction économique, «Annales de la Société historique et archéologique du Gâtinais», 1930, t. XXXIX, p. 164; Marc Bloch, op. cit., t. II, p. 158.

² Gaston Roupnel, La ville et la campagne au XVII siècle: Etude sur les populations des pays dijonnais, 1922, deuxième édition, 1955.

³ J. Nicod, Un texte sur la structure du village lorrain (1732) «Information géographique», 1950, p. 158. D'après Archives départementales de Meurthe-et-Moselle, N 574—575.

из трех групп полей (saisons) (озимые хлеба — яровые — пар), лугов, пастбища и, наконец, леса на окраинах бана. Необходимо отметить значительный размер площади, оставленной для общего пользования, на которой могло пасть общинное стадо: 36 процентов всего бана. Только земледелец, имеющий плуг, то есть одну упряжку, мог получить участок земли и луг. Батрак (manouvrier) имеет только маленький дом, сад, конопляник. Но он может пасти свой скот на паровых полях и общинных угодьях. Таким образом, были сразу установлены все, в настоящее время классические, черты лотарингской деревни, характерные для области открытых полей (openfield). Но совершенно очевидно, что при более позднем создании Танконвиля были использованы результаты многолетнего опыта, в ходе которого постепенно складывались основные черты этого типа землевладения и землепользования и проявлялся динамизм сельской общины.

Этот динамизм проявлялся не только в освоении и в непрерывном приспособлении земель. Он утверждался также в борьбе сельской общины за свое экономическое существование и свою административную автономию. Марк Блок совершенно справедливо утверждал, что лишь эта борьба могла укрепить перед лицом сеньера спаянность и единство общины:

Именно благодаря противодействию своим врагам маленький деревенский коллектив не только обрел более прочное самосознание, но постепенно заставил и все общество признать свою волю к жизни. Он достиг этого прежде всего путем противодействия своим господам, зачастую с помощью насилия.

И далее:

Глазам историка, обязанного лишь отмечать и объяснять связи явлений, сельское восстание представляется столь же неотделимым от сеньериального порядка, как, например, забастовка от крупного капиталистического предприятия¹.

С этой точки зрения следовало бы пересмотреть историю абсолютной монархии. Век Людовика XIV был

¹ Marc Bloch, op. cit., t. I, p. 173—175 (Марк Блок, Характерные черты французской аграрной истории, ИЛ, М., 1957, стр. 228, 230).

также веком крестьянских восстаний¹, и аграрные волнения послужили прелюдией революции 1789 года².

Быть может, не менее сильным средством, чем бунты и жакерии, была «терпеливая и скрытая борьба, которую упорно продолжали вести сельские общины»³.

Борьба за оформление общин и признание их существования, а особенно борьба за общинные угодья, все значение которой подчеркивал Марк Блок⁴, велась с разными перипетиями до конца старого порядка. Община далека от того, чтобы представлять собой какой-то законченный институт, она как бы находится в процессе постоянного становления.

К середине XVIII века сельская община, распад которой вскоре должна была ускорить революция, казалось, достигла своей точки равновесия. Она обладала определенной административной структурой и, что особенно важно, определенной социально-экономической структурой, основанной на ряде общинных принуждений, ограничении частной собственности и на существовании земель коллективного пользования. Следует, однако, острее взглянуть на нивелировки, ибо существует множество региональных специфических особенностей, не следует также брать в качестве примеров самые отсталые районы, дабы проиллюстрировать тип французского развития.

Приход и община чаще всего совпадают территориально. Их границы, так же, как и их интересы, в большинстве случаев идентичны. Церковь поэтому играет важную роль в жизни общины. Там главным образом собирались для обсуждения общих дел. Являясь местом культа, она могла служить убежищем в смутные времена. Там выбирались синдик и сборщики. В церкви заключались торговые сделки и производилась продажа с торгов. Случалось, что там устраивали школу. Иногда церковь слу-

¹ См. по этому вопросу: Б. Ф. Поршнев, Народные восстания во Франции перед Фрондой (1625—1648 годы), М., 1948. См. об этом труде Zoïa Mosina, Boris Porchnev et la France du XVIIe siècle, «La Pensée», n° 32, 1950, p. 100.

² Georges Lefebvre, La Grande Peur de 1789, 1932, Chapitre III, p. 27.

³ Marc Bloch, op. cit., t. I, p. 175 (см. русский перевод, стр. 230).

⁴ Там же, стр. 186.

жила складом дров, мебели, зерна или соломы. Таким образом, до революции мирское там смешивалось с религиозным. Проповедь носила такой же характер: она служила не только религиозным поучением, порой в ней содержались административные указания, а иногда и судебные разъяснения. Даже тогда, когда получило распространение использование афиш, многие священники продолжали читать с кафедры не только общие ордонансы, королевские грамоты, предписания, но также объявления о продаже с торгов (annonces d'adjudications royales ou communales), о составлении или изменении сеньориальных поземельных росписей, о сеньориальной барщине. Так, еще в 1775 году королевская администрация посылает священникам для оглашения с кафедры циркуляр по поводу дороговизны зерна¹. Комитеты (fabriques), избранные прихожанами для управления приходами и признанные церковными властями, дают в то же время жителям возможность собраться и обсудить общие дела. Эта практика имела большое значение в первую очередь для пробуждения, поддержания и укрепления чувства солидарности сельской общины.

Не менее важной с этой точки зрения была и роль собрания жителей. Хотя оно ведет свое происхождение с давних времен, в конце старого порядка, особенно в XVIII веке, ряд королевских ордонансов, чаще всего касавшихся отдельных районов, регламентировал организацию собраний жителей, что, как правило, шло на пользу зажиточным крестьянам и подчиняло их [собрания] двойной опеке сеньера и интенданта. Компетенция общих собраний касалась всех вопросов, интересовавших общину: продажа, покупка, обмен или сдача в аренду общинных угодий, ремонт церкви, общественных зданий, дорог и мостов, выбор синдиков общины, учителя школы, общинного пастуха, полевого сторожа, сборщиков десятины, заседателей и сборщиков тали. Общие собрания иногда устанавливали время сбора винограда, поденную плату батракам².

Здесь также имеются местные особенности и наблюдаются постоянная эволюция этого института. На юге, в Провансе или Лангедоке, еще задолго до XVIII века

¹ См. по этим различным вопросам примеры, приведенные в книге Albert Babeau, Le village sous l'Ancien Régime, 1879, p. 124.

² См. Charles Parain, Une vieille tradition démocratique: Les assemblées de communauté, «La Pensée», n° 4, 1945, p. 43.

существовали *политические советы* (*conseils politiques*), облеченные муниципальной властью; общее собрание жителей играло поэтому лишь второстепенную роль.

В 1776—1777 годах интендант Шампани создал во многих общинах советы нотаблей, которые должны были ведать управлением общих дел вместе с синдиками¹.

Эти местные различия были упорядочены и сведены в единообразную систему регламентом от 25 июня 1787 года, установившим советы нотаблей во всех коммунах в *paus d'élection**, где они не были еще учреждены. Советы состояли из сеньера и священника, членом по праву, и из 3—6 или 9 членов, в зависимости от числа домохозяйств («дымов» — «feux») в общине, избираемых приходским собранием, в которое, по сравнению с прежним собранием, допускались жители, платящие не менее 10 ливров налога. Роль общих собраний была значительно уменьшена, но в некоторых случаях они еще собирались, например для выбора школьного учителя. Общие собрания были созваны для выборов в 1789 году; к участию в них допускались лица, достигшие 25-летнего возраста и числящиеся в налоговых списках². Таким образом, хотя права жителей были теперь признаны, они были в то же время уточнены и ограничены. Автономия сельских общин, способствовавшая долгое время сплоченности общины, была отныне ограничена. Кроме того, в деле управления деревни эдикт 1787 года заменил почти демократичную систему общих собраний представительной системой муниципалитетов. Муниципальный закон от 14 декабря 1789 года лишь утвердил в основном уже проведенную реформу.

В конце старого порядка сельская община была обязана своим единством не столько своим религиозным и

¹ Другой пример, более частный, местных особенностей — это практика судебных заседаний (*plaid, assises*), осуществлявшаяся в деревнях области Брес еще в конце XVIII века, где обсуждались все общие дела и вопросы. См. O. Morel, *Les assises ou grands jours dans les justices seigneuriales de Bresse à la fin de l'Ancien Régime* (1768—1788), 1935. *Compte rendu par Marc Bloch, dans «Annales d'histoire économique et sociale», 1936, p. 610.*

* Области, лишенные всех элементов местного самоуправления, в отличие от *paus d'états*, то есть областей, имевших местные штаты. — *Прим. ред.*

² Ничего не говорится об эдикте 1787 года и вообще о сельских общинах в работе Ch. Petit-Dutaillis, *Les communes françaises. Caractères et évolution des origines au XVIIIe siècle*, 1947.

административным институтам, сколько экономическим основам. Один из первых историков старой деревни, Альбер Бабо, работа которого во многих отношениях остается ценной и в наши дни, почувствовал это. В своем труде «Деревня во времена старого порядка» («*Le village sous l'Ancien Régime*») (1879) он устанавливает связь между коллективным использованием общинных угодий и самим термином «община».

Сохранение этих прав [права собственности на общинные угодья и права пользования ими] и распределение приносимых ими доходов являлись причиной и основой существования общины¹.

Но этот автор сосредоточил свое внимание главным образом на административном аспекте сельской общины и не сумел проникнуть в сущность вещей.

Только Марк Блок в своем труде «Характерные черты французской аграрной истории» дал наиболее ясное и четкое определение сельской общины, основанное на ее социально-экономическом содержании, и охарактеризовал ее как особый тип присвоения определенными социальными группами средств сельскохозяйственного производства. Экономическую основу общины составляют коллективная собственность и эксплуатация общинных угодий, ограничение коллективом частной собственности в интересах группы жителей (запрещение огораживаний, принудительный севооборот), права пользования лесами и полями (право обязательного выпаса, право сбора колосьев и скашивания жнива) и, наконец, общие правила землепользования (правила временной запашки, определение сроков уборки урожая или сбора винограда, правила выпаса скота на общинных угодьях...) ².

Вопрос о праве обязательного выпаса остается наиболее спорным. Марк Блок напомнил в 1936 году, что в XVIII веке под термином «*vaine pâture*» французское сельское право понимало право пасти скот на паровых полях [земли временно *незасеянные*, «пустые» (*vaines, vides*)] в противоположность праву выпаса на непахотных землях. В 1941 году Марк Блок предложил при-

¹ Albert Babeau, *Le Village sous l'Ancien Régime*, p. 77.

² Ряд интересных указаний по этим вопросам см. Е. Н. Петров, Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией, «Исторический сборник» № 5, М. — Л., 1936.

дать термину «vaine pâture» его строго юридический смысл: право пастись скот на пахотных землях после уборки урожая¹. Следует ли придерживаться этого ограниченного юридического толкования? Нам кажется, что нет. Жан Мёвре в своем недавнем докладе «Сельское хозяйство Европы в XVII и XVIII веках» («l'Agriculture en Europe aux XVIIe et XVIIIe siècles») настаивает на том, что право «vaine pâture» применялось не только к паровым, то есть незасеянными полям. «Vaine pâture — это также выгон скота на залежные земли, ланды, вересковые пустоши, на невозделанные и бесплодные земли (savarts, larris), на лесные опушки, если не на подлесок, на земли, прилегающие к болотам, на перекрестки и дороги и, наконец, — существенный факт — на луга после первого укоса»².

Следует ли согласиться с Марком Блоком, считавшим, что осуществление «vaine pâture» было строго обязательным? Жан Мёвре снова возобновил спор. Он отмечает противоречивость, присущую толкованию этого вопроса во второй половине XVIII века.

Следовало бы скорее остерегаться ответа того интенданта, который на предложение издать эдикт, разрешающий огораживания, возразил, что местный обычай их всегда разрешал³.

С другой стороны, спор относительно права обязательного выпаса (vaine pâture) имел в XVIII веке практическое значение только для определения права собственности на отаву, или, точнее, права пастись скот по второй траве. Именно эту проблему кутюмы пытались регламентировать с самого начала, так как взаимное обязательство допускать чужой скот на свои земли, связанное с правом коллективного выпаса на паровых полях, не устраивало владельцев лугов ввиду их (лугов) недостатка и, следовательно, ценности фуража. Что касается принудительного севооборота, связанного с правом коллективного выпаса, то Жан Мёвре

подчеркивает, что это обязательство фигурировало в основном в арендных договорах как мера предосторожности владельца против фантазий его фермера, но никоим образом как обязательство, вытекающее из правила общественного распорядка. Это были, следовательно, «взаимные льготы» («tolérance réciproque») (но не определенное обязательство), которые лучше характеризуют право коллективного выпаса¹. Вопрос поставлен, но решить его можно только в результате локальных исследований.

Таковы различия в описании сельской общины. Вместе с тем наблюдаются и региональные особенности. Обязанность подчиняться традиционному севообороту определено была связана с коллективным принуждением только в восточной Франции. В других местах положение казалось менее ясным, а кое-где была твердо оговорена свобода собственника. В районах открытых полей к югу от Луары коллективные сервитуты носили менее принудительный характер; огораживания разрешались кутюмами. В Лангедоке право общего пользования пастбищами (comparascuité) — старинная практика, носившая четко обязательный характер, — имело свои отличительные черты².

В районах бокажей общинные угодья играли, по-видимому, в деле сплоченности сельских общин ту роль, которая в районах открытых полей востока и севера выпала на долю правил коллективного принуждения. Марк Блок напомнил об ожесточении, с которым бретонские кроканы защищали общинные угодья. Он подчеркивал наличие духа солидарности среди крестьян запада, привыкших оказывать друг другу помощь во всех трудоемких работах, перевозках и в обмолоте³. Особый характер рельефа и почвенные условия района бокажей, своеобразие традиционных земельных распорядков, разбросанность жилищ,

¹ Следовало бы здесь поставить вопрос о праве сбора колосьев (droit de glanage). Выгоды, связанные с этим правом, очевидно, были довольно значительными. См. соображения и замечания Марка Блока («Glaneurs et glaneuses», «Mélanges d'Histoire sociale», 1943, t. III, p. 110); A. Dubuc, A propos du glanage et de sa réglementation en Normandie. Société des études locales dans l'Enseignement public. Groupe de Seine-Inférieure. Bulletin, mai 1937 à mai 1938, p. 69.

² Emile Appolis, La question de la vaine pâture en Languedoc au XVIIIe siècle, «Annales historiques de la Révolution française», 1938, p. 97.

Marс Bloch, op. cit., t. II, p. 184.

¹ Marc Bloch, op. cit., t. II, p. 75.

² Comitato internazionale di Scienze storiche. X^o Congresso internazionale di Scienze storiche, Roma, 4—11 settembre 1955. Relazioni Volume IV. Storia moderna, p. 165. «Vaine pâture et assolement forcé».

Жан Мёвре уже поставил эти проблемы в «Economie rurale et structure agraire traditionnelles. Questions en suspens», «La Revue de géographie humaine et d'ethnologie», n^o3, juillet—septembre, 1948, p. 70.

³ Jean Meuvret, op. cit., p. 165.

индивидуалистический характер хозяйств и самой аграрной жизни — все это приводило к тому, что общины здесь были менее многочисленны и не столь сильны. Общинный дух там проявлялся не столько в организации полей и подчинении их обработки определенной дисциплине, сколько в общественных отношениях и практике взаимопомощи во время сельских работ. Каковы бы ни были местные различия, в конечном счете сельскую общину характеризует наличие обязательств, которые она налагает как на всех жителей в целом, так и на индивидуальные владения. Эти различия могут касаться степени обязательности тех или иных правил, но не существа.

Ограничения права частной собственности, коллективный характер общинной собственности и общинное землепользование позволяют определить сельскую общину конца старого порядка как систему земледельческого натурального хозяйства, как докапиталистический способ производства с соответствующими классовыми отношениями.

* * *

Большинство авторов, занимавшихся изучением крестьянского общества до Французской революции, настойчиво подчеркивали наличие социальных противоречий, постоянно существовавших в сельской общине задолго до XVIII века. Обращаясь к Фюстель де Куланжу, для которого «деревня не была уже в XVIII веке такой, как в средние века: в нее проникло неравенство», Марк Блок утверждает, что сельские общины

всегда были разделены на довольно резко разграниченные классы, с неизбежными отклонениями от линии разделения¹.

Еще со времен раннего средневековья различия юридического статуса дополнялись социальными классовыми различиями. Марк Блок считал, что в процессе дифференциации большое значение имел один фактор экономического порядка: наличие или отсутствие пахотной упряжки [то есть тяглого скота]. Приводя примеры, восходящие к XIII и даже к XII веку, он приходит, таким образом, к классическому описанию классового соперничества во

¹ Marc Bloch, op. cit., t. I, p. 194 (русский перевод, стр. 249).

французской сельской общине XVIII века: батраки (*manouvriers*) против пахарей (*laboueurs*), — и распространяет его без всяких оговорок на Францию XIX века¹. Это значит забыть о потрясениях, вызванных в сельском обществе революцией, и недооценить упразднение сеньориального порядка.

Нельзя, конечно, отрицать различий в условиях существования и в положении крестьян старой Франции, влиявших на социально-экономическую сплоченность общины; однако эти различия не приводили еще к существенным органическим различиям. Возьмите, например, пролетариат, различные его прослойки — от чернорабочего до квалифицированного рабочего; разница в положении пролетариев не может скрыть органического единства промышленного пролетариата. Сеньориальный режим остается в конце XVIII века наиболее устойчивым пережитком старого феодального общества: он способствует сплочению сельской общины.

Говоря о земельной собственности при старом порядке и о социальных противоречиях, связанных с ее распределением, очень часто забывают о том, что она не была полной и абсолютной собственностью в том смысле, как это понимали члены Учредительного собрания в 1789 году, когда они зачислили собственность в число неотъемлемых прав человека. Сеньёр пользовался *верховным (éminent)* правом собственности [говорят также, что он обладал *прямым правом (la directe)*] на земли, зависевшие от его фьефа, особенно на крестьянские держания. В связи с этим земля была обременена множеством повинностей в пользу сеньёра, являвшихся признаком ее зависимости. Крестьянин, хотя он и мог свободно распоряжаться своей землей, продать ее, передать по наследству, не был теоретически ее собственником, он обладал правом владения, которое юристы называли «*domaine utile*». Уплата сеньёру ежегодного ценса свидетельствует о зависимости непривилегированных держаний (*tenures roturières*) или цenzив. Система земельной собственности остается феодальной.

Противоречия между различными социальными группами, составлявшими общину, кажутся второстепенными по сравнению с антагонизмом, поднимавшим все крестьянство

¹ См. множество локальных примеров в «*Les caractères originaux*», t. II, p. 187—188.

против земельной аристократии, извлекавшей выгоду из сеньериального режима, тем более что «сеньериальная реакция» XVIII века привела к усилению эксплуатации крестьянства. Часто указывали на разные аспекты этой реакции, которая, в частности, выразилась в усилении активности сеньериальных судов — наиболее действенного оружия в руках сеньеров в их спорах с крестьянами относительно оброков. Полнота юридической власти, оставшейся в руках сеньеров, облегчила, например, в Анжувосстановление старых забытых повинностей, или захват общинных угодий¹. В других местах «реакция» выразилась в интенсивном использовании сеньерами старых коллективных сервитутных прав: например, в Лотарингии права на отдельное стадо (*droit de troupeau à part*).

Это увеличение тягот сеньериального режима [к которому следует добавить распространение десятины на вновь распаханые земли — *новой десятины (dîmes novales)*, но необычной (*insolites*) для крестьян, а также возросшую тяжесть королевских налогов, которые, например, в валлонской Фландрии повысились на 28 процентов только в царствование Людовика XVI] имело своим результатом установление некоторого единообразия в условиях жизни крестьян и усиление сплоченности общины. Автор исследования о положении приходов беррийской Шампани попытался установить бюджет различных категорий крестьян в XVIII веке. Выводы были довольно мрачными. От батраков (*domestiques du culture*) до поденщиков (*journaliers*), от половников до арендаторов условия жизни представлялись довольно однообразными. Сеньериальные повинности и королевские налоги, ложившиеся все более тяжелым бременем на плечи крестьян, все более тягостные условия арендных договоров очень часто сводили на нет те выгоды, которые могли бы извлечь арендаторы из роста цен на сельскохозяйственные продукты. Крестьяне, даже зажиточные, были постоянно в долгах².

Рост солидарности сельской общины в результате посягательств «сеньериальной реакции» и ухудшения усло-

¹ См. R. H. Andrews, *Les paysans des Mauges au XVIIIe siècle: étude sur la vie rurale dans une région de l'Anjou*, 1935.

² Eugène Sallée, *La condition paysanne au XVIIIe siècle dans la Champagne berrichonne*, «Revue de l'Académie du Centre», 1939, p. 83. Эта работа цитируется у Марка Блока (Marc Bloch, *op. cit.*, t. II, p. 189).

вий ее жизни, более ясное понимание того, что путем борьбы она отстаивает свои права, вновь усилил стремление к коллективным действиям и борьбе, с особой силой сказавшимся во время «Великого страха» в июле 1789 года. Как только рассеялся страх перед мнимыми разбойниками, крестьяне (все социальные группы) обратили пики и косы против своего естественного врага — сеньера, его замка и его архива, где хранились акты, в которых были записаны ненавистные им повинности. Сеньериальный режим рухнул под ударами сельской общины. Жорж Лефевр определенно подчеркивает это:

«Великий страх» не только в силу своего своеобразного и выразительного характера заслуживает того, чтобы остановить на нем внимание: он подготовил ночь 4 августа¹

и, следовательно, — уничтожение сеньериального режима.

Итак, до 1789 года и до 1793 года (когда сеньериальный режим был окончательно уничтожен) стойкость феодальных производственных отношений в деревне и феодального режима земельной собственности, тяжелое бремя все возраставших сеньериальных повинностей, церковной десятины и королевских налогов способствовали сохранению сплоченности сельской общины перед лицом земельной аристократии.

II

Французская революция, уничтожив феодальные производственные отношения, ускорила разложение общины. Но если она была крутым, насильственным переломом и явилась резким сдвигом в эволюции, то совершенно очевидно, что зародыш новых производственных отношений, утверждению которых она способствовала, созрел в недрах старого общества. В этом смысле нельзя скрыть противоречий между различными группами крестьян, составлявших сельскую общину, на которых историки обычно настаивают. Поэтому, как только земельная аристократия была ликвидирована как господствующий класс, эти второстепенные противоречия выступили после

¹ Georges Lefebvre, *La Grande Peur de 1789*, 1932, p. 247.

революции на первый план и в конце концов взорвали общину изнутри.

Деревня и сельскохозяйственное производство не могли остаться в стороне от движения, которое начиная с XVIII века стремилось к реорганизации промышленного производства. Развитие капитализма (иными словами, появление капитала и наемного труда) уже до революции внесло в недра общины зародыш социальной дифференциации и разложения. Таким образом, в связи с проблемой сельской общины встает общий вопрос о переходе от феодального общества к капитализму, или, точнее, о том, какие социальные элементы являлись движущей силой этой трансформации? В данном случае мы думали не столько о решении вопроса, сколько о том, чтобы поставить проблемы и наметить пути исследования.

В сельских общинах XVIII века некоторые социальные категории резко выделяются среди общей массы батраков, парцеллярных крестьян, половников и мелких арендаторов. Это пахари (*laboueurs*), фермеры областей крупного земледельческого хозяйства, «генеральные фермеры» («*fermiers généraux*») районов половничества. Какая из этих социальных групп более всего содействовала переходу в деревне от феодального способа производства к капиталистическому?

В XVIII веке «генеральный фермер» выступает в роли посредника между собственником и половниками¹. Он заключал арендный договор на все метерии одного или нескольких собственников, дабы пересдать их в свою очередь в аренду. В том случае, если собственник являлся сеньёром, он мог, конечно, передать «генеральному фермеру» свои «полезные права» («*droits utiles*») и взимание сеньёриальных платежей и повинностей. Иногда в качестве «генерального фермера» выступала финансовая компания, чаще всего делец, нотариус, крупный торговец. Эти «генеральные фермеры» были особенно многочисленны на окраинах зоны денежной аренды — от Бретани до Франш-Конте. Этот институт соответствует определенному типу аграрной концентрации — сосредоточию в одних руках управления несколькими доменами, ко-

¹ См. Georges Lefebvre, *Questions agraires au temps de la Terreur, 1792*, deuxième édition, 1954. Introduction, III, Le métayage et les «fermiers généraux», p. 91 (Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора (1793—1794), Л., 1936, стр. 99).

торое приводит к концентрации товарного урожая. Многие «генеральные фермеры» одновременно занимались торговлей сельскохозяйственными продуктами. Таким образом, «генеральное фермерство» является иллюстрацией приложения торгового капитала к сельскохозяйственному производству. Но, приспособившись к старой системе производства и используя ее, занимаясь зачастую сбором сеньёриальных платежей, «генеральный фермер» в областях половничества, очевидно, был заинтересован в сохранении старых институтов, которые составляли самую основу его существования. Даже если этот институт («генеральное фермерство») и представлял собой переходную фазу, он не вел к революции в старом способе производства.

Можно ли же самое сказать о фермерах областей крупного земледельческого хозяйства? Мы думаем, что да. Концентрируя обработку земли путем объединения нескольких ферм, стараясь поставить сельское производство на научную основу и придать ему интенсивный характер, крупные фермеры активно содействовали развитию земледелия. Но являлись ли они в деревне старого порядка элементом революционного переустройства? Постольку, поскольку они вкладывали в сельскохозяйственное производство капитал торгового происхождения и их производственная деятельность была подчинена торговым задачам, крупные фермеры не разрушали старого способа производства. И это тем более, что очень часто они являлись одновременно сборщиками сеньёриальных платежей и церковной десятины. Следующие факты показывают, например, что в конце XVII века в Бовези¹ эти крупные фермеры оказались до такой степени втянутыми в старую систему производства, что ее разрушение отнюдь не входило в их интересы. Некий арендатор бенедиктинцев Сен-Жерме в Кудрэ-Сен-Жерме (*Coudray-Saint-Germer*) давал деньги в долг из высокого процента соседним дворянчикам под ипотечный залог. Некий арендатор урсулинок города Бове в Муайenville (*Moyenneville*) давал деньги в долг монастырю. Клод Дюмениль, арендатор и сборщик повинностей королевского аббатства св. Павла в Гуанкуре (*Goincourt*), был

¹ Pierre Goubert, *Paysans français au XVII siècle: un exemple régional*, «Past and Present», n° 10, novembre 1956, p. 55.

в то же время арендатором сеньориальных прав, десятины и баналитетного права на давяльный пресс для винограда. Разве мог Клод Дюмениль быть заинтересован в уничтожении феодального способа производства и феодальных производственных отношений?

Положение пахаря (*laboureur*) и его роль иллюстрируют обратный процесс¹. В этом случае производитель становится купцом и капиталистом — единственный действительно «революционизирующий» путь, согласно анализу Маркса, ибо он ведет к уничтожению феодальной системы производства, а не к ее сохранению². Пьер Губер показал, каким образом кризисы XVII века в Бовези (кризисы 1647—1658, 1691—1694 и 1709—1710 годов) укрепили положение наиболее зажиточных пахарей³. Владея излишками урожая и продавая их со значительной для себя прибылью (обычные цены могли утроиться и даже увеличиться вчетверо в период кризисов), пахари обогащались. Некоторые смогли арендовать крупные церковные домены и таким образом сделатья родоначальниками фермеров и сборщиками сеньориальных повинностей. Другие захватили земли мелких крестьян, их должников. Задолженность играла значительную роль в эволюции жизненных условий крестьян во все времена⁴. В старой общине каждый мелкий крестьян

нин находился в долгу у одного или нескольких пахарей: заем если не денег, то семян или, в голодное время, зерна, наем рабочего скота для пахотных работ или для перевозок превращали мелких крестьян в должников пахарей и при первом же случае в их наемных работников. Кризисы увеличивали, таким образом, социальные различия между меньшинством пахарей¹ и возросшей массой парцеллярных крестьян и батраков (*manouvriers*) и в то же время способствовали преобразованию общественных отношений.

В XVIII веке, поскольку общие условия производства благоприятствовали этому, этот процесс ускорился. Образуется особая категория неимущих — поденщиков (*journaliers*), работающих по найму. Для пахарей становится правилом эксплуатация этих сельских наемных рабочих. Являясь самостоятельными производителями, производящими для рынка, они имеют возможность превратиться в будущих капиталистов². Этому процессу, естественно, содействовало развитие капиталистического производства в городах. Но его тормозило, с одной стороны, сохранение феодальных производственных отношений с их сеньориальными повинностями и церковной десятиной, а с другой стороны, докапиталистическая структура сельской общины.

Другая социальная категория также, оказывается, играла важную роль в деле преобразования способа производства в деревне и в разложении сельской общины. Это крестьяне, занятые кустарным промыслом, не те, которые зависели от торгового капитала и от купцов, снабжавших их сырьем и реализовавших изготовленную

¹ Термин «пахарь» мог скрывать различные социальные реальности. См. Marc Venard, *Une classe rurale puissante au XVIIe siècle: les laboureurs au Sud de Paris*, «Annales», 1955, p. 517. Здесь идет речь о частном случае. «Фактически обработка земли никогда не была единственным источником доходов пахарей: мы видим их также в роли сборщиков сеньориальных повинностей, арендаторов десятин, в роли фискальных прокуроров». Движимый капитал берет здесь верх над земельным капиталом. Эти пахари районов, расположенных южнее Парижа, в действительности относятся к категории крупных фермеров — сборщиков сеньориальных повинностей. Автор отмечает солидарность интересов этих «пахарей» и собственников (у которых они арендуют сеньориальные повинности, десятины и т. д.), в частности против приходской общины, действующей в вопросах гальи через своих сборщиков и синдика.

² Карл Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1950, глава XX — Из истории купеческого капитала, стр. 346.

³ Pierre Goubert, *op. cit.*

⁴ См. сообщение Жоржа Лефевра в Обществе новой истории (4 декабря 1955 года): «Archives hypothécaires», «Bulletin de la Société d'Histoire moderne», novembre — décembre, 1955, p. 9. Марк Блок также неоднократно подчеркивал значительную задолженность крестьян, особенно в XVI веке, и развитие обмена, основанного на звонкой монете. См. Marc Bloch, *op. cit.*, t. II, p. 173, 187.

¹ Пьер Губер (цит. соч.) отмечает, что в Бовези в конце XVII века пахарь являлся довольно редким социальным типом: 3 пахаря на 86 глав семейств в Луэзе (Loueuse), 10 — на 93 в Сент-Омер-ан-Шоссе (Saint-Omer-en-Chaussée), 6 — на 70 в Грийоне (Grillon), 3 — на 90 в Глатиньи (Glatigny).

² См. в качестве примера Charles Leroü, *Notes sur une exploitation agricole en Normandie, dans le Roumois au XVIIIe siècle*, 1934. См. рецензию Марка Блока в «Annales d'histoire économique et sociale», 1935, p. 332.

Речь идет об уже усовершенствованном хозяйстве, в котором коллективные сервитуты, по-видимому, исчезли и которое принадлежало семье крупных пахарей, производящих в широких масштабах для рынка и использующих многочисленных сельскохозяйственных рабочих.

крестьянами продукцию, но те, которые работали непосредственно на рынок и являлись, следовательно, мелкими самостоятельными производителями, подчинявшими свои торговые функции своей производственной деятельности.

Поэтому мы считаем необходимым рассматривать проблему разложения сельской общины под углом зрения образования современного капиталистического способа производства, а не с точки зрения простой количественной разницы между недвижимым и движимым богатством, земельной и денежной собственностью, фактически существовавшей во все времена. Сельская община распадается в результате прогресса капиталистического производства, приводящего к образованию как товарного рынка, так и рынка труда. Этот процесс разложения развивается как раз внутри самой общины, в основном в результате действий пахарей. Деятельность крупных фермеров и «генеральных фермеров», каково бы ни было ее значение в развитии сельскохозяйственного производства, не влекла за собой изменений в производственных отношениях¹. «Революционизирующий» путь был проделан самостоятельными производителями, в данном случае зажиточными крестьянами. Революция это доказала.

¹ В свете дискуссии, организованной американским журналом «Наука и общество» («Science and Society») в 1950—1953 годах, материалы которой были полностью опубликованы в Лондоне («The transition from Feudalism to Capitalism») (1955 год), я пересмотрел свою точку зрения относительно фермеров областей крупного земледельческого хозяйства и их роли в разложении сельской общины, точку зрения, которую я изложил в статье «Сельская община в конце XVIII века» («Le mois d'ethnographie française», n° 3, 1950, p. 33). Относительно проблемы перехода от феодального общества к капитализму, см. также Kohachiro Takahashi, La place de la Révolution de Meiji dans l'histoire agraire du Japon, «Revue historique», 1953, t. CCX, p. 229. И, наконец, см. Georges Lefebvre, Giuliano Procacci et Albert Soboul, Une discussion historique: du féodalisme au capitalisme, «la Pensée», n° 65, 1956, p. 10.

[Подчеркивая роль крупного фермерства в развитии интенсивного, концентрированного товарного сельскохозяйственного производства в некоторых областях Франции XVIII века, Собуль в то же время полагает, что деятельность крупных фермеров «не влекла за собой изменений в производственных отношениях». Такое отделение производственной деятельности фермерства от тех общественных результатов, к которым она неизбежно вела, является, по нашему

Французская революция ниспровергла сеньориальный порядок и уничтожила феодальные повинности. Она провозгласила полное право собственности «естественным и неотъемлемым правом», согласно Декларации прав 1789 года, как и Декларации прав 1793 года. Это имело своим следствием свободу огораживания и обработки и ограничение коллективных прав. Таким образом, революция открывала путь свободному развитию капиталистического способа производства в деревне. Юридическое освобождение собственности являлось действительно первым условием технического прогресса земледелия. Именно об этом писал еще в 1787 году Лавуазье:

Как раз в лице наших институтов и наших законов оно [земледелие] имеет наиболее реальные препятствия¹.

Во второй половине XVIII столетия выяснилось, что монархия неспособна осуществить необходимое переустройство сельского хозяйства путем реформ. Революция разбила цепи, сковывавшие развитие производительных сил.

Что касается земельной собственности, то революция глубоко изменила ее распределение в результате продажи церковных земель и земель эмигрантов, но главным образом в пользу городской буржуазии и зажиточного кре-

мнению, искусственным, а поэтому неверным. Ведь хозяйство крупного фермера, стремящегося, говоря словами А. Собуля, «поставить сельское производство на научную основу и придать ему интенсивный характер», могло быть лишь хозяйством капиталистического арендатора, применяющего регулярно наемную рабочую силу. Опубликованное в настоящем сборнике локальное исследование Собуля («Пример аграрной концентрации...») показывает как раз пример того, как из крупного арендатора вырастает в конечном счете капиталист-аграрий современного типа. То, что первоначально вложенный фермером в землю капитал мог иметь торговое происхождение, отнюдь не изменяет общественных последствий этого вложения, если, разумеется, капитал был вложен с целью организации производства, а не употреблен исключительно на откуп феодальных прав и привилегий или создание кабальной системы субаренды (как это было характерно для так называемых «генеральных фермеров»). — *Прим. ред.*

¹ См. Octave Festy, L'agriculture pendant la Révolution française, Les conditions de production et de récolte des céréales, 1947, p. 49.

стьянства: батраки (*māpouǵiers*) и парцеллярные крестьяне мало воспользовались этим. В этом отношении показателен доклад члена Конвента Лозо от 22 фрюктидора II года (8 сентября 1794 года)

о материальной невозможности превратить всех французов в земельных собственников и о прискорбных последствиях, которые к тому же такое превращение может иметь: в Республике, насчитывающей 24 миллиона человек, невозможно сделать всех земледельцами [...], нельзя, чтобы большинство нации сделалось собственниками, ибо в случае осуществления этой гипотезы каждый был бы вынужден обрабатывать свое поле или свой виноградник, чтобы жить, торговля же, ремесла и промышленность были бы в скором времени уничтожены¹.

Эти соображения делают понятными нападки того же Лозо на общинные угодья.

Я считаю общинную собственность, — заявил он в докладе в мессидоре II года, — каким-то чудовищем, которое надо поскорее уничтожить².

Предложенный Лозо закон сделал бы обязательным раздел общинных земель, судьбу которых закон от 10 июня 1793 года поставил в зависимость от желания сельских общин. В том случае, если бы не был проведен раздел, предусматривалась их продажа. Это означало бы разрушить одну из основ общины, не дав бедным крестьянам даже возможности приобрести какую-либо собственность. Не заявил ли Лозо, что общинная собственность, «так сказать, совершенно бесполезна для общества»?

Французская революция, освободив производительные силы от феодальных пут, расчистила дорогу экономическому индивидуализму и ускорила процесс разложения общины, наметившийся еще до 1789 года. Уничтожение феодальных отношений собственности, ликвидация сеньориальных повинностей и церковной десятины пошли на пользу всему крестьянству в целом, но это в то же

время привело к исчезновению старого антагонизма между земельной аристократией и сельской общиной. Другие реформы революции укрепили в основном положение тех крестьян, которые уже были собственниками: расширение права собственности путем ограничения коллективных прав и установления свободы огороживаний и обработки, новое распределение земельных богатств. Противоречия между пахарями, стремившимися к капиталистическому преобразованию сельского хозяйства, и крестьянской массой, приверженной к натуральному хозяйству, ранее скрытые, теперь обострились. Тем самым был ускорен распад общины¹.

Однако в то время, как пахари завершали свое превращение в особый класс, батраки и парцеллярные крестьяне, которые могли обеспечить свое существование только в рамках общины и при ее помощи, с отчаянием цеплялись за традиционные формы производства и упорно требовали сохранения ограничений, налагаемых коллективным принуждением на частную собственность. Это сопротивление свидетельствует о незавершенном характере буржуазной революции в области сельскохозяйственного производства: хотя она и способствовала развитию главенствующего сельского класса, однако она не смогла полностью разрушить исконную сельскую общину.

Конечно, следовало бы рассмотреть с этой точки зрения эволюцию общины после уничтожения сеньориального порядка. Требования бедного крестьянства стали особенно настойчивыми во II году. Огромное количество петиций Конвенту имеется, например, в серии F¹⁰ Национального архива (бумаги Комитетов и Комиссий земледелия революционных собраний). Их направляли народные общества, сельские муниципалитеты, «бедные сельские санкюлоты», которые требовали сохранения права обязательного выпаса, права сбора колосев и скашивания жнива, обязательства жать только серпом, запрещение отдельного стада и сохранения общего стада. Так, 5 мессидора II года (23 июня 1794 года) санкюлоты, образовавшие народное общество в Парли (Йонна), протестуют против тех статей закона от 6 октября 1791 года,

¹ О значении революции во французской аграрной истории см. Georges Lefebvre, *La Révolution française et les paysans*, «Cahiers de la Révolution française», n° I, 1933, p. 7. Напечатано также в «Etudes sur la Révolution française», p. 246.

¹ «Moniteur», réimp., t. XXI, p. 748.

² «Rapport sur la nécessité de supprimer les propriétés communales et sur les principes de la propriété dans un pays libre», Bibliothèque nationale, 8° Le 38 841.

которые предоставляли собственникам право огораживать земли и луга, раньше подчиненные праву обязательного выпаса (*vaine pâture et parcours*).

Этот закон мог быть издан, несомненно, только богатыми и для богатых в то время, когда свобода превратилась в пустой звук, а равенство — в химеру.

В заключение авторы петиции восстают против «неправильного применения права собственности»¹. Можно было бы привести еще много аналогичных примеров.

Позиция бедного крестьянства в его борьбе против новых форм производства, впрочем, была не лишена противоречий. Марк Блок указал на случай использования крупными скотоводами права обязательного выпаса (*comprascuité*) в Провансе, где еще во времена старого порядка сельская община потребовала и добилась его отмены, поскольку эта общинная практика обратилась на пользу нескольким крупным предпринимателям, занятым разведением овец («*pourriguiers*»). Этот факт является

¹ Archives nationales, F¹⁰ 285, pétition à la Convention nationale. Не менее знаменательной является «жалоба бедняков Тюньи (Tugny), Брэ (Bray), Лавена (Lavene), Артена (Arteins), Серокура (Seraucourt), Аппенкура (Happencourt) и Дюри (Dury) (департамент Эн) о злоупотреблениях, чинимых нам пахарями в использовании права сбора колосьев и скашивания жнивья». «Пахари у дверей приходской церкви запрещают нам собирать колосья до восхода солнца, и после захода солнца они отправляются на свои поля со своими жнецами, и в то время, как бедняки отдыхают, они собирают колосья сами [...]. Пахари пользуются для уборки урожая косой и, таким образом, лишают нас всего того, что нам дано от бога — соломы и колосьев [...], в то время как жатва серпом остается то, что принадлежит наймиту, ибо, согласно данному нам закону божиему, колосья и жниво принадлежат бедняку [...]. Он [бог] сказал еще пахарю, дабы он не косил пшеницу так низко, дабы народ мог собирать то, что останется на земле». И в заключение: «Пользование косой вредно для жизни человека» (Archives nationales, F¹⁰ 284, pétition à l'Assemblée nationale constituante, 25 juillet 1790). Мы не смогли обнаружить Лавена; написано Артен вместо Артан (Artemps).

См. также выписку из протокола избирательного собрания Перорнского дистрикта, содержащую противоположные требования (Archives nationales, F¹⁰ 284, 26 juillet 1790). Крупный собственник д'Едикур просил, чтобы Национальное собрание издало декрет, «разрешающий земледельцам убирать урожай их зерна таким образом, какой они сочтут наиболее подходящим, используя серп, косу, или пилку, или любой другой инструмент, который они пожелают, и чтобы общинам было запрещено предъявлять претензии под страхом наказания».

одним из эпизодов борьбы мелкого производителя против капиталиста¹. Но, добиваясь уничтожения права обязательного выпаса, община подрывала свои собственные основы. То же самое можно сказать и о разделе общинных земель. Во второй половине XVIII века рост населения и рост цен еще больше увеличили земельный голод бедного крестьянства. Парцеллярные крестьяне и батраки потребовали раздела общинных угодий — политика, начатая еще монархией, эдикты которой о триаже шли, однако, на пользу сеньерам. Эта политика завершилась декретом от 10 июня 1793 года, согласно которому право решать участь общинных угодий предоставлялось общему собранию жителей — мужчин и женщин, достигших возраста 25 лет и имеющих право на раздел; решение считалось принятым, если за него было подано две трети голосов. Собрание могло принять решение о подушном разделе общинных угодий между жителями общины независимо от возраста и пола, об их продаже или сдаче в аренду или оставить их в общем пользовании². Мера, следовательно, не была столь радикальной, как это могло показаться с первого взгляда. Она составляет звено долгой эволюции. Однако, каким бы частичным ни было применение закона от 10 июня 1793 года, позволившего бедным крестьянам в деревнях, одобрявших раздел, вступить в круговорот частной собственности и, следовательно, на путь аграрной концентрации, оно вело к уничтожению коллективной собственности и к разложению сельской общины.

Традиционное крестьянство не вышло, однако, со-

¹ Marc Bloch, *op. cit.*, t. I, p. 206—209 (см. русский перевод, стр. 266—268).

² См. Georges Bourgin, *Les Communaux et la Révolution française*, «Nouvelle revue historique du droit français et étranger» 1908, p. 690. Вопрос о разделе часто приводил к обострению конфликтов внутри сельской общины. См., например, петицию от 4 термидора II года (22 июля 1794 года), адресованную Конвенту «санкюлотами-батраками, виноградарями и другими земледельцами, проживающими в хижинах в Мата (Mathas), Вирладе (Virelade), Арбана (Arbanats) и Порте (Portets)» (департамент Жироанда). Они заявляли, что, так как собственники пользуются общинными угодьями, закон не применяется, и протестовали против этого; «эгонсты, крупные собственники и все буржуа [являются] самими решительными врагами закона от 10 июня [...]». Поэтому могущество феодалов не может быть обуздано, поэтому угнетается только бедный санкюлот» (Archives nationales, C 314, pl. 1254, p. 7).

вершенно обезоруженным из революции. Конечно, сельские санкюлоты не добились восстановления или укрепления общины, как они требовали этого в их петициях II года. Но все же благодаря их сопротивлению буржуазная революция не смогла окончательно разрушить ее. Она не уничтожила одним ударом общинной собственности и прав коллективного пользования, составлявших экономическую основу общины. Они продолжали существовать в течение всего XIX века и не исчезли еще полностью, поскольку закон 1892 года, все еще остающийся в силе, ставит отказ от права обязательного выкупа в зависимость от желания жителей села. Следовательно, в этой области революция закончилась только компромиссом, измерить значение которого можно, лишь сравнив эволюцию английского сельского хозяйства с эволюцией французского сельского хозяйства. Сохранение прав коллективного пользования в зависимости от желания крестьян, дробление собственности и обработки сильно тормозили капиталистическую перестройку французского сельского хозяйства. Мелкие сельские производители долго сохраняли свою независимость, что придавало политической истории Франции некоторые из ее характерных черт. Если бы огораживание и концентрация землевладения были навязаны во Франции так же, как в Англии, капитализм восторжествовал бы в области сельскохозяйственного производства столь же радикально, как и в области промышленного производства. Упорная борьба земельной аристократии против революции, долгое время препятствовавшая какому бы то ни было компромиссу с буржуазией, заставляла последнюю щадить крестьянство, и даже бедное крестьянство, сопротивление которого делало его особенно грозным.

* * *

После Французской революции для развития сельской общины была характерна скрытая, но ожесточенная борьба между двумя формами экономики и связанными с ними классами. Но с того момента, когда сельскохозяйственное производство было вовлечено в круговорот капиталистической экономики, община, будучи формой натурального хозяйства, оказалась обреченной; после более чем векового сопротивления она полностью распалась.

В течение всего XIX века мелкие крестьяне упорно боролись, защищая свое право на существование и то, что его гарантировало, то есть свои права на пользование полями, ландами и лесами. И каждый раз, когда государственный аппарат или давление господствующих классов ослабевали, эта борьба достигала своей высшей точки: так было в 1830 году, так случилось и в 1848 году. 1848 год и Вторая республика составляют особенно важный этап в процессе разложения общины. Волнения 1848—1851 годов являются последним эпизодом сопротивления, последним взрывом борьбы традиционного крестьянства, находившегося на пути к исчезновению. В конце концов в 1851 году, и в частности во время государственного переворота, это привело к пробуждению у крестьян чувства подлинного политического самосознания. Было бы, конечно, необходимо дополнить эту картину освещением местных различий, прежде всего особенностей развития капиталистического сельского хозяйства, которое не везде шло с одинаковым успехом¹.

Лесные беспорядки, опустошение отчужденных общинных угодий, крестьянские волнения в связи с вопросом о правах пользования — все эти факты являлись частью общей борьбы сельских общин против развития аграрного индивидуализма и капиталистического переустройства сельского хозяйства. В феврале—марте 1848 года в восточных департаментах и в районе Пиренеев крестьяне устраивали нашествия на леса и восстанавливали свои права пользования, ограниченные во времена правления Луи Филиппа.

Лесной режим и особенно его применение в горных областях игнорируют первейшие потребности населения, — пишет генеральный прокурор Тулузы 15 апреля 1848 года по поводу волнений в кантоне Керигют (Quérigut) (департамент Арьеж). — Живя среди лесов, оно лишено дров и строительных материалов².

В других местах бедные крестьяне нападали на отчужденные общинные угодья, уничтожали ограды и

¹ См. Albert Soboul, La question paysanne en 1848, «La Pensée», 1948, n° 18, p. 55, n° 19, p. 25; n° 20, p. 48; «Les troubles agraires de 1848»; «1848 et les Révolutions du XIX siècle», 1948, n° 180, p. 1; n° 181, p. 39 (см. настоящий сборник, стр. 200).

² Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

живые изгороди, опустошали нивы. В Пемпоне (Paimpont) (департамент Иль и Вилен) постановлением Реннского суда от 1827 года за неким господином де Фермон было признано право собственности на ланды. Новый собственник огородил землю, чтобы посадить деревья. Жители деревни Виль-Дане (Ville-Danet), лишившиеся прав пользования, сломали однажды ночью в июне 1848 года изгородь и пустили туда свой скот. В марте 1849 года в Ремулене (Remoulins) (департамент Гар) крестьяне опустошили засеянное ячменем поле, которое они раньше использовали в качестве пастбища. В Сейле (Ceilhes) (департамент Эро) в мае 1849 года крестьяне потребовали от лиц, купивших в 1816 году общинные угодья, возратить их¹. Не менее характерны и выступления в защиту права на отаву на лугах и права сбора колосьев и укоса жнива. В Прико (Priscaud) (департамент Од) в мае 1848 года жители отправились на спорную парцеллу, скосили траву и продали сено с торгов. В Конке (Conques) (департамент Од) 27 и 28 июня 1848 года толпа мужчин и женщин отправилась по окрестным деревням, заявляя, что необходимо помешать собственникам скашивать хлеба косой и обязать их возвратиться к применению серпа и что следует запретить им под страхом смерти использовать на полях грабли².

Употребление косы и граблей явно затрагивало интересы бедных крестьян, пользующихся правом сбора колосьев и укоса жнива.

В этой борьбе за сохранение или восстановление общинных прав пользования бедные крестьяне не могли не осознать своих классовых интересов. Аграрные волнения не утихали с 1848 по 1851 год, борьба за коллективные права превратилась в классовый конфликт. Эта социальная борьба в свою очередь ускорила развитие политического самосознания крестьянских масс. Весьма знаменательно, что карта районов крестьянского сопротивления государственному перевороту 1851 года совпадает с картой аграрных волнений предыдущих лет. Зонами восстания в 1851 году были юго-восток, юго-запад и центр — как раз те районы, где сельская община наиболее яростно защищала свои права пользования, в то время

как деревни севера, уже перестроенные капиталистической экономикой, оставались спокойными как в 1848, так и в 1851 году¹.

Это были, однако, лишь арьергардные бои. Если политически мелкое крестьянство представляло отныне силу, с которой надо было считаться, то экономически оно было осуждено вместе со всей системой общины, основанной на правах пользования и на ограничении частной собственности. Во второй половине XIX века разложение общины пошло еще более быстрыми темпами.

* * *

Таким образом, насколько нам позволяют рамки этого краткого анализа, мы видим, что сельская община не является какой-то застывшей формой, она предстает перед нами во всем многообразии своих местных особенностей и различий, в постоянном становлении. Историк, возможно, проявил бы больший интерес к внутреннему динамизму сельской общины, к процессу ее быстрого распада; этнограф обратил бы больше внимания на разнообразие форм. Один из них будет терпеливо изучать архивы, другой будет исходить из обследования современной действительности. Каковы бы ни были методы их работы, предмет изучения у них один, в этом смысле между историей и этнографией нет принципиальных различий. Та и другая, оставляя в стороне шаблонные представления о традиционном крестьянстве и его обычаях, обратят внимание на подлинно драматический характер борьбы сельской общины, составляющей ее величие. Они могут, однако, лишь отметить противоречивый характер этой борьбы с конца XVIII века: сельская община не могла не исчезнуть в этой большой революции, включившей сельскохозяйственное производство в капиталистическую экономику. И если сегодня мы можем обнаружить кое-какие пережитки, то как этнограф, так и историк могут лишь подчеркнуть исключительный характер этих запоздалых форм.

¹ См. Albert Soboul, op. cit., «La Pensée», n° 20, 1948, p. 51.

¹ Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 385; p. 84; 362; p. 401.

² Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 148, 177.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В 1848 ГОДУ

Часто отмечали важную роль, которую сыграло крестьянство в событиях, развернувшихся во Франции начиная с февральских дней 1848 года и кончая государственным переворотом 2 декабря 1851 года. Многие историки подчеркивали реакционность политической позиции крестьянства, его быстрое охлаждение к Республике, принесшей ему лишь дополнительное налоговое бремя, а также значительную роль, которую сыграло крестьянство во время выборов принца-президента Луи Наполеона Бонапарта. Крестьянство, утверждают они, в сильнейшей степени содействовало неудаче Второй республики, а затем и ее падению.

По существу, такой взгляд представляется нам слишком общим и, следовательно, упрощенным. В 1848 году не было единого французского крестьянства, а были различные, часто враждебные друг другу крестьянские слои, социальное положение которых, как и их политическая позиция, имели многочисленные оттенки. Начиная особенно с XVIII века происходит расслоение традиционного крестьянства вследствие перехода от прежнего земледельческого хозяйства к новому хозяйству, органически связанному с системой капиталистического производства. Бедному крестьянству, жизненные условия которого ухудшались по мере развития агротехнического переворота, противостояло зажиточное крестьянство — сельская буржуазия, вышедшая из эпохи Революции и Империи еще

более сильной. Однако бедные крестьяне продолжали упорно отстаивать свое право на жизнь и то, что гарантировало им эту возможность: их права пользования полями, ландами и лесами. Эта упорная, полная драматизма борьба, не прекращавшаяся в течение целого столетия, достигала временами своего апогея; так было, например, в июле 1789 года во время крестьянского восстания и «Великого страха», так было в 1830 году; короче говоря, каждый раз, когда государственный аппарат и давление господствующего класса ослабевали. Так случилось и в 1848 году.

1848 год и Вторая республика действительно являются тем этапом в истории борьбы мелкого крестьянства, значение которого трудно переоценить. В то время как крестьяне-собственники, сельская буржуазия, крупные собственники (дворяне или буржуа), на какое-то время утраченные, усилили в 1848—1851 годах свое политическое давление и экономическое господство, мелкое крестьянство вновь поднялось в силу подлинного классового инстинкта, превратившегося в 1851 году в действительно политическое самосознание: они стали понимать преимущества Республики, еще недавно непризнаваемой или проклинаемой. События 1848—1851 годов являются последним эпизодом насильственной борьбы, последним порывом мелкого традиционного крестьянства, находившегося на пути к исчезновению в этой великой революции, завершением которой явилось включение сельскохозяйственного производства в рамки капиталистической экономики¹.

¹ Изучение крестьянского вопроса в 1848 году затруднено отсутствием каких-либо статистических данных о распределении земельной собственности и обработки земли. Сельскохозяйственная статистика 1840 года учитывает прежде всего размеры производства и потребления продуктов земледелия. Она игнорирует столь важные вопросы, как собственность и обработка земли. Чтобы составить себе представление о распределении земельной собственности во время Июльской монархии, нужно обратиться к росписи поземельного налога Управления прямого обложения, хотя эти документы содержат лишь приблизительные данные.

Основным источником для написания этого очерка послужили серии ВВ¹⁸ и ВВ³⁰ Национального архива (Archives nationales). Они содержат материалы Министерства юстиции и переписку и отчеты генеральных прокуроров. Документы, следовательно, носят в основном политический характер. Необходимо отметить, в частности, интерес, который представляют папки ВВ³⁰ 358—366, содержащие документы о беспорядках, возникших после февральской революции 1848 года, и переписку и отчеты по линии апелляционных судов до

Если в промышленности капиталистическое преобразование производства совершилось сравнительно быстро, то в сельском хозяйстве оно шло значительно более медленными темпами. Наиболее активные элементы осуществления этого преобразования — крупные землевладельцы, будь то дворяне или буржуа, крупные фермеры, являвшиеся в областях крупного земледельческого хозяйства настоящей сельской буржуазией, — столкнулись с упорным сопротивлением мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих, объединенных в древних сельских общинах, крепко спаянных социально-экономическими узами общинных обычаев и прав пользования. Во многих районах сельские пролетарии и сами мелкие земледельцы существовали только благодаря традиционным правам пользования, в частности праву коллективного выпаса на паровых землях или скошенных полях и праву пользования лесными угодьями. Сохранение этих прав препятствовало капиталистическому прогрессу земледелия, мешало упразднению пара и замене его искусственными лугами, огораживанию, необходимому для успешного развития скотоводства, а также рациональному использованию лесов. Грандиозная упорная борьба развернулась между массой крестьян, привязанных к своему традиционному образу жизни, и меньшинством главарей производства, рассматривавших землю как капитал, который должен приносить доходы, а земледелие как предприятие, сходное в своей основе с промышленным предприятием.

Капиталистическое переустройство сельского хозяйства началось еще при старом порядке. Исконная сельская община отступает перед прогрессом аграрного индивидуализма¹. Распространение «огораживаний» («enclosures») освобождает много земель от власти принудительного севооборота, пара и обязательного выпаса. Во второй половине XVIII века под влиянием английских агрономов и французских экономистов, в особенности физиократов,

1850 года. Мы ни в коей мере не утверждаем, что полностью исчерпали эту важную документацию. В частности, тому, кто пожелает изучить сопротивление крестьян наступлению реакции, а затем государственному перевороту 2 декабря 1851 года, необходимо просмотреть политические отчеты генеральных прокуроров (это папки ВВ³⁰ 367 и последующие, с 1849 по 1870 год).

¹ М. Влош, La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIIIe siècle, «Annales d'Histoire économique et sociale», 1930.

для которых земля является единственным реальным богатством, сельское хозяйство стало в высшем обществе модным занятием. Дофин взялся за рукоятки плуга и провел символическую борозду. Мария Антуанетта разыгрывала из себя пастушку в Малом Трианоне. Фактически эта агрономия отражала желание определенной группы дворянской аристократии и буржуазии получить максимум доходов от продажи продуктов с их земельных владений в результате применения модернизированных и рациональных способов ведения хозяйства. Королевская администрация поддерживала эти стремления. В 1785 году был учрежден Комитет сельского хозяйства при Генеральном контроле финансов.

Несмотря на все это, к концу старого порядка серьезный прогресс можно было отметить только в некоторых районах Северной Франции — во Фландрии, Пикардии и в меньшей степени в области Бос и в Восточной Нормандии¹. Бедное крестьянство упорно защищало свои традиционные права. Скотоводство являлось для него главным источником существования, которого оно лишилось бы в случае ликвидации коллективного выпаса. Между тем возможности осуществления этого права суживались в результате огораживания лугов и сокращения пара, с прогрессом новых способов ведения хозяйства (искусственные луга, внедрение масличных культур...). Право сбора колосьев (glanage) и скашивания жнива (chaumage) были для бедного населения важными дополнительными источниками существования. Крупные фермеры упорно добивались их ограничения, они старались ввести применение кос, которые, срезая хлебные злаки значительно ниже, чем серпы, не оставляли почти ничего на полях. Тем самым они угрожали самому существованию многочисленного сельского пролетариата старого порядка. Понятно поэтому сила сопротивления крестьянства и восстания 1789 года, которые позволили сельским жителям отвоевать часть прав, утерянных ими в XVIII веке.

Революция, однако, не привела, с этой точки зрения, к радикальным изменениям. Традиционная крестьянская община была осуждена самим ходом экономического развития. Индивидуализм и либерализм, восторжествовавшие

¹ См. G. Lefebvre, Les paysans du Nord pendant la Révolution; A. Demangeon, La plaine picarde; J. Sion, Les paysans de Normandie orientale.

в политической и экономической областях, могли одержать верх в сельскохозяйственном производстве только в ущерб коллективным правам. Развитие, таким образом, продолжалось. Исчезали препятствия, мешавшие капиталистическому развитию сельского хозяйства, начавшемуся еще при старом порядке. Наряду с провозглашением экономической свободы вообще была провозглашена также свобода обработки и огораживания земель. Земельный кодекс, принятый Учредительным собранием в 1791 году, предоставлял крестьянину право свободно обрабатывать его землю. Монтаньярская конституция 1793 года в статье XVII Декларации прав человека и гражданина также признала свободу обработки земли, невзирая на бедных крестьян, которые были ей враждебны¹.

Однако Французская революция не пошла так далеко по этому пути, как Англия в XVIII веке. В борьбе с аристократией старого порядка буржуазия нужны были союзники. За исключением короткого периода монтаньярского Конвента — с 31 мая 1793 года по 9 термидора II года, — она искала их скорее среди крестьян, чем среди городских санкюлотов. Чтобы привязать крестьян к новому порядку, ее порядку, буржуазия уничтожила феодальные права, хотя и не без недомолвок и колебаний. Она дала возможность зажиточным крестьянам покупать национальные имущества; она не решилась сразу уничтожить права пользования сельских общин, за которыми было оставлено право самим решать вопрос об этих правах. Закон 1792 года оставлял еще за крестьянами право самим решать вопрос о сохранении или уничтожении права обязательного выпаса. Несмотря на могущество Империи, Наполеон также не затронул права обязательного выпаса (*vaine pâture* и *droit de parcours*).

Во времена Реставрации дальнейший прогресс сельского хозяйства был незначителен. Пар по-прежнему существовал, хотя площадь земли, отводимой под пар, постепенно уменьшалась. До 1840 года положение оставалось неизменным. Согласно статистическим данным 1840—1841 годов, ланды и паровые поля все еще зани-

¹ См. G. Lefebvre, *La Révolution française et les paysans*, «Cahiers de la Révolution française», n° 1; «Questions agraires au temps de la terreur» (см. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936).

мали весьма значительную площадь — 7712 тысяч га под паром и 8606 тысяч га под ландами и выгонами, в то время как обработанные земли занимали 19 031 тысячу га, а искусственные луга — только 1775 тысяч га. В 1836—1838 годах палата депутатов заготовила проект закона об отмене права обязательного выпаса (*vaine pâture* и *droit de parcours*), которое, казалось, было обречено на уничтожение. Но большинство департаментов попросило, чтобы к уничтожению права обязательного выпаса подошли с крайней осторожностью, причем аргумент, выдвигаемый ими в первую очередь, оставался тем же, что и при старом порядке: бедные крестьяне могут существовать только благодаря дополнительным ресурсам, которые обеспечивают им право обязательного выпаса и другие коллективные права¹.

Около 1840 года сельскохозяйственное производство и положение классов в деревне скорее напоминали еще старый порядок, чем их состояние в современную эпоху. Развитие капиталистического производства в деревне шло весьма медленно и часто было весьма несовершенным. Традиционная сельская община была еще очень живуча, как и самостоятельность крестьян — мелких производителей.

Капиталистическое преобразование сельского хозяйства

Последний период царствования Луи Филиппа, с 1840 по 1848 год, ознаменовался ускорением процесса капиталистического преобразования сельского хозяйства. Традиционные противоречия обострились. Это обострение объясняет в значительной степени силу крестьянского движения в 1848 году, когда сила давления государства и репрессивного аппарата ослабла.

Сельскохозяйственное производство увеличилось, возросла и его доходность. В департаменте Иль и Вилен, например, с 1840 по 1846 год производство зерновых увеличилось на 20 процентов. Сократилась площадь, занятая под паром. В 1840 году она составляла 47,7 процента всей площади земель, занятых под зерновыми, а в

¹ См. Н. Сёс, *La vaine pâture sous la Monarchie de Juillet d'après les enquêtes de 1836—1838*, «Revue d'Histoire moderne», 1926.

1842 году — только 33 процента. Производство вина увеличилось с 36 миллионов гектолитров в 1840 году до 50 миллионов в 1848 году. Рост земельного богатства был бесспорным фактом. Доходы от налогов на дарственные записи и наследства увеличились с 30 миллионов в 1826 году до 52 миллионов в 1847 году. Если при Карле X общая стоимость владений, переходивших по наследству, достигала ежегодно 1200 миллионов, то в 1847 году она составляла 2 миллиарда.

Успехи сельского хозяйства с 1840 по 1848 год явились результатом общей экономической конъюнктуры, а также усилий правительства, которое поставило перед собой задачу расчистить все пути для обогащения подерживавшего его класса.

Несмотря на недостаток кредита и слишком высокие процентные ставки местных банков, многие вкладывали свои капиталы в сельское хозяйство. Буржуазия продолжала вкладывать в земельную собственность часть капиталов, накопленных ею в торговле и промышленности. В обществе Июльской монархии, которое едва начало обособляться от старого аристократического общества, приобретение земель все еще означало восхождение вверх по социальной лестнице и являлось как бы признаком аристократизма для этих буржуа, недавних лавочников. Один политический фактор усилил эту тенденцию: после июльской революции крупные собственники-легитимисты удалились в свои поместья и стали использовать свои капиталы для улучшения хозяйства в своих владениях. Факт примечательный, если принять во внимание недостаток сельскохозяйственного кредита, который не мог не поразить такого наблюдателя, как Стендаль:

«Раскройте «Королевский альманах» за 1829 год — и вы увидите, что все должности заняты представителями дворянства. Отныне знать живет в деревне, тратя лишь две трети своих доходов и улучшая свои имения... Помимо ферм, сдаваемых в аренду, каждый землевладелец имеет резерв в 150 арпанов, где он сам ведет хозяйство. Многие скупают все, что продается по соседству с их землями, и через десять лет эти господа снова будут владеть великолепными поместьями»¹.

¹ Stendhal, Mémoires d'un touriste, 19 avril 1837 (цитировано у Н. Сée, Histoire économique de la France, t. II, p. 140). См. также Бальзак, Крестьяне. Деревенский священник. (См. М. Влa-

Другим важным фактором преобразования сельского хозяйства было развитие путей сообщения. С 1840 по 1848 год протяженность судоходных путей увеличилась. Закон 1836 года о путях большого и малого сообщения выводит деревни из их вековой изоляции. Тем самым облегчается распространение новой агротехники. В центральные и западные департаменты стали привозить известь и мергель для удобрения холодных земель.

Таким образом, вместе с началом революции на транспорте вырисовывается уже подлинная революция в земледельческом производстве. Полностью результаты транспортной революции сказались лишь во времена Второй империи, с расширением сети железных дорог, когда была разорвана традиционная замкнутость самодовлеющих хозяйственных единиц, уступив место специализации их в рамках более широких экономических систем, взаимно связанных и дополняющих друг друга.

Правительство Луи Филиппа поддерживало усилия капиталистов, стремившихся к обновлению сельскохозяйственного производства. В Генеральный совет земледелия, учрежденный в 1831 году, вошли 30 крупных землевладельцев. В 1836 году было учреждено Министерство торговли и земледелия. 1841 год является датой назначения двух генеральных инспекторов земледелия.

Агротехнический переворот, начавшийся в областях крупного земледельческого хозяйства в XVIII веке, стал развиваться быстрее после 1840 года под влиянием общих факторов, содействовавших преобразованию экономики и общества: земледелие включается в сферу капиталистического производства.

Положение мелкого крестьянства сильно ухудшилось. С 1840 по 1848 год его жизненные условия ухудшились не только вследствие ущемления прав традиционной сельской общины в результате агротехнического переворота, но также вследствие воздействия целого ряда факторов (взаимосвязанных и взаимно влияющих друг на друга), ускоривших темпы развития.

Первым важным обстоятельством было влияние демографического фактора. Рост крестьянского населения с XVIII века не сопровождался соответствующей

chard, La campagne et ses habitants dans l'oeuvre d'Honoré de Balzac, thèse, 1931). См. также Eugène Le Roy, Jacquou le Croquant.

распашкой новых земель или улучшением методов обработки, которые позволили бы удовлетворить земельный голод численно все возраставшего и все более нищавшего крестьянства. Большинство деревень во Франции достигло своего демографического апогея в 1840—1860 годах. Рост сельского населения при гораздо более медленных темпах роста продукции земледелия способствовал усилению нищеты. В 1842 году население Франции составляло приблизительно 32 500 тысяч человек, а в 1846 году оно достигло 35 500 тысяч. В 1846 году сельское население Франции составляло еще 75 процентов общего числа жителей. Хотя данные переписи того времени не указывали еще профессии жителей, однако можно с вероятностью предположить, что три четверти взрослых французов были заняты в земледелии или в кустарном промысле. К сожалению, статистические данные умалчивают о распределении земельной собственности. Данных росписей поземельного налога недостаточно, так как кадастровые записи составлялись по коммуна, в то время как один и тот же собственник мог владеть имуществом в нескольких коммунах. Однако поземельные росписи свидетельствуют об увеличении числа разделов земли. Если в 1826 году число облагаемых поземельным налогом владений составляло 10 300 тысяч, то в 1842 году оно возросло до 11 500 тысяч. Полагают, что число земельных собственников увеличилось с 6,5 миллиона в 1825 году до 7,5 миллиона в 1850 году. Следует уточнить, что по крайней мере половина налогоплательщиков платила не свыше 5 франков, следовательно, это были мелкие крестьянские собственники, которые могли существовать только благодаря дополнительным ресурсам, используя коллективные права или занимаясь кустарным промыслом.

Мелкое крестьянство, не имеющее уже достаточного количества земли, видит, как его лишают также одного из этих дополнительных ресурсов существования. Сельская кустарная промышленность, дававшая в условиях традиционной сельскохозяйственной экономики возможность существовать многочисленному бедному крестьянству, находилась на пути к исчезновению, особенно прядение и ткачество на дому. В самом деле, они не могут противостоять конкуренции крупной текстильной промышленности, основанной на концентрации капиталов, станков и рабочей силы.

Начиная с 1835 года в департаменте Нижняя Сена наблюдается быстрый упадок ткачества на дому и вообще сельских кустарных промыслов¹. Соответственно возрастает нищета деревни. Исход деревенского населения в город увеличивается в зависимости от эволюции земельного деления в различных районах, поскольку обработка земли становится для большинства крестьян единственно возможным источником существования.

Наряду с ухудшением условий существования мелкого крестьянства продолжалось наступление на традиционные права сельских общин. Если правительство не осмеливалось посягнуть на право обязательного выпаса (*vaine pâture, libre parcours*), то оно все же принялось за общинные земли, игравшие столь значительную роль в жизни бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В 1836 году правительство занялось вопросом об общинных землях, высказавшись не за их раздел, а за сдачу их общиной в аренду, что было бы выгодно только богатым и зажиточным крестьянам. После 1840 года это движение усилилось и стало общим для всей Франции. Так, в департаменте Нижняя Сена, особенно после 1840 года, начали серьезно заниматься вопросом извлечения доходов из общинных земель и сдачи их в аренду. В 1851 году из 196 общин 122 сдавали в аренду свои общинные земли. Сдача в аренду общинных угодий и огораживание полей, становившиеся все более частым явлением, как об этом, в частности, свидетельствуют акты насилия и разрушения изгородей, виновниками которых были крестьяне (настолько жива была еще во времена Июльской монархии сила традиции), уничтожение прав пользования лесами, которые теперь начинают эксплуатировать более рациональным образом, — все это способствовало разложению сельской общины и разрушению традиционного общинного землепользования.

Наконец, еще один фактор ухудшает положение крестьян — бремя ипотечного долга, тяготеющее над мелким крестьянским хозяйством и отдающее его на милость

¹ См. J. Sion, Les paysans de la Normandie Orientale. H. Séé Note sur l'industrie textile de la Mayenne dans la première moitié du XIX siècle («Bulletin de la Commission historique de la Mayenne», 1927).

кредиторов. Ипотечные долги разорительны для мелких земледельцев, ибо ни одно из кредитных учреждений не придет им на помощь. Крупные земельные собственники имеют возможность получать ссуды из 5 процентов, не дороже. Мелкий же крестьянин вынужден соглашаться на гораздо более тяжелые условия и прибегать к услугам ростовщиков, требующих до 15 процентов. В Эльзасе ростовщицество часто занимают евреи¹, и этим объясняются антисемитские беспорядки 1848 года в эльзасских деревнях. В других районах ростовщицество являлось делом христиан.

Карл Маркс, анализируя влияние ипотечной задолженности на мелкое французское крестьянство в середине XIX века, писал:

Сельское население, больше двух третей всего французского населения, состоит главным образом из так называемых свободных земельных собственников. Первое поколение, безвозмездно освобожденное революцией 1789 г. от феодальных повинностей, ничего не заплатило за свою землю. Но последующие поколения уплачивали под видом *цены за землю* то, что их полукрепостные предки уплачивали в свое время в форме ренты, десятины, барщины и т. д. Чем более, с одной стороны, росло народонаселение, а с другой — увеличивалось дробление земель, тем дороже становилась цена мелкого земельного участка, так как вместе с уменьшением размеров парцелл выросал спрос на них. Но по мере того как росла цена, уплачиваемая крестьянином за парцеллу — покупал ли он ее прямо или она засчитывалась ему сонаследниками в качестве капитала, — необходимо росла в той же мере *задолженность крестьянина*, т. е. *ипотека*. Долговое обязательство, тяготеющее на земле, и называется *ипотекой*, закладной на землю. Подобно тому, как средневековый земельный участок обростал *привилегиями*, так современная парцелла обростает *ипотеками*. — С другой стороны, при парцельной системе земля является для ее собственника простым *орудием производства*. Но в той

же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к обработке почвы, разделение труда, крупные мелиорационные мероприятия, как-то: устройство осушительных и оросительных каналов и т. д., — становятся все более и более недоступными, а *непроизводительные издержки* на обработку земли растут в той же пропорции, как и дробление самого этого орудия производства. Все это происходит независимо от того, обладает ли собственник парцеллы капиталом или нет. Но чем дальше идет процесс дробления земли, тем больше весь капитал парцельного крестьянина сводится к земельному участку с самым жалким инвентарем, тем меньше становится возможным приложение капитала к земле, тем больше ощущается у беднейшего крестьянина (Kotsass) недостаток в земле, деньгах и образовании, необходимых для использования успехов агрономии, тем больше регрессирует обработка земли. Наконец, *чистый доход* уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается *валовое потребление* и в какой всю семью крестьянина удерживает от других занятий ее собственность, которая, однако, не обеспечивает ее существования.

Итак, в той же мере, в какой увеличивается население и дробление земли, в той же мере *дорожает орудие производства*, земля, и уменьшается ее плодородие, в той же мере *падает земледелие и растет задолженность крестьянина*¹.

Когда крестьянин не может больше перезакладывать свою парцеллу, он прямо попадает в лапы ростовщика. Если к этому прибавить еще налоговое бремя, становится понятным, что крестьянин в конце концов

отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, — не только *весь чистый доход*, но даже *часть своей заработной платы*; он опустился таким образом до уровня ирландского арендатора, и все это под видом *частного собственника*².

¹ См. P. Leuillot, L'usure judaïque en Alsace sous l'Empire et la Restauration, «Annales historique de la Révolution française», 1930.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 84—85.

² Там же.

Области крупного земледельческого хозяйства и области традиционного земледелия

Положение французского крестьянства не было, однако, одинаковым в различных областях страны. Темп эволюции был различным, и капиталистические методы внедрялись в сельскохозяйственное производство далеко не во всех районах равным образом. Здесь необходимо учитывать социальные и региональные особенности.

Единое — пока речь шла об уничтожении феодальных повинностей — крестьянство быстро разделилось, когда столкнулись интересы его различных групп. Крупные фермеры, крестьяне-собственники были заинтересованы в окончательном установлении свободы земледелия. Они могли лишь сочувствовать идее улучшения своей участи путем индивидуальных усилий, столь свойственной либеральной экономике. Лозунг, брошенный Гизо: «Обогащайтесь!» — относился также к ним. Совершенно иными были интересы и требования мелких и средних хозяев, парцеллярных крестьян, исполщиков и поденщиков, для которых единственным источником существования был их собственный труд.

Именно против них оборачивался земледельческий прогресс, и только для них сохраняло весь свой смысл существование сельской общины. Крестьянство не представляло собой однородного класса. В противоречиях, противопоставивших друг другу различные группы крестьянства, и следует искать объяснение тех позиций, которые заняли эти группы во время событий 1848—1851 годов.

Местные различия лишь подчеркивали эти социальные антагонизмы, противопоставляя районы крупного земледельческого хозяйства и денежной аренды областям половничества, где господствовало мелкое хозяйство. Не говоря о различии естественных условий, сельского пейзажа и методов сельскохозяйственного производства, следует отметить, что Францию разделяли две системы, отделенные друг от друга смешанной зоной. Север, под влиянием Фландрии, шел в авангарде модернизации земледелия. Право обязательного выпаса переживало упадок, так как развитие искусственных лугов позволяло вести стойловый откорм скота. Возделывание технических культур — текстильных и масличных — нарушило трехгодичный цикл

севооборота. Север стал областью крупного хозяйства и крупных фермеров, активно способствовавших преобразованию сельскохозяйственного производства. Сельский пролетариат был многочисленным в этой области, и численность его все возрастала по мере прогрессирующего исчезновения коллективных прав. Но в первой половине XIX века на севере шел усиленный процесс индустриализации и этот излишек сельскохозяйственного пролетариата, выброшенный из деревни новым способом ведения хозяйства, был поглощен городом и заводом; и вековая борьба, противопоставлявшая бедных крестьян землевладельцам и крупным фермерам, закончилась распадом традиционной сельской общины. Этим до некоторой степени объясняется тот факт, что области Северной Франции, то есть области денежной аренды и крупного земледельческого хозяйства, не знали с 1848 по 1851 год волнений и возмущений, характерных для областей половничества и мелкого хозяйства.

Эти последние области были расположены главным образом в центре, на западе и юге Франции. Тенденция к капиталистическому развитию земледелия была здесь выражена значительно менее ярко. Продолжала существовать еще сельская община, преобладало мелкое хозяйство, формы которого были более разнообразными на юге. В горных районах и на западе, в областях огороженных полей, обязательный выпас осуществлялся только на общинных землях. Традиционное дробление хозяйства на семейные земельные участки — средние (*métairies, bordes, domaines*) или мелкие (*locateries* в центре, *brasseries* на юге, *bordages* или *closeries* на западе) — являлось помехой для применения современных методов ведения хозяйства. Экономические и социальные условия половничества препятствовали концентрации хозяйств, в отличие от районов фермажа. Развитие капитализма давало, однако, себя чувствовать и в этих районах, это выражалось в ухудшении условий половничества или в существовании «генеральных фермеров», которые брали в аренду все поместье землевладельца, а затем пересдавали его по частям крестьянам.

Проведенное генеральными инспекторами земледелия после 1840 года обследование, результаты которого по некоторым департаментам были опубликованы, дает нам сведения о положении тех социальных групп деревни, которые

выступили в 1848 году, и о неравномерном развитии земледелия по отдельным районам¹.

В департаменте Верхние Пиренеи, где в 1849 году происходили крупные крестьянские волнения, господствовало мелкое и среднее хозяйство. Крупные хозяйства были немногочисленны. Мелкие собственники сами обрабатывали свои участки. Крупные землевладельцы дробили свои владения на метерии и сдавали их в аренду исполу. Обязательный выпас (vaine pâture и droit de parcours), право сбора колосьев, сбора винограда, оставшегося после уборки урожая (grapillage), все еще оставались в силе. Сельскохозяйственные орудия были примитивными; «[плуг (charrue)] очень похож на римскую соху и весьма несовершенен». Севооборот был двухпольным или трехпольным, чаще всего с паровым полем (пшеница — кукуруза — пар или пшеница — пар). Государственные и коммунальные леса были обременены тяжелыми сервитутами [права пользования лесом (droits d'usage en bois), лесными пастбищами (pâturage), выгон скота (pacage), срезка папоротников (coupe de fougères)]. Если сравнить данные этой анкеты, проведенной генеральными инспекторами, с ответами, полученными в 1812 году на вопросник, посланный административными властями в округ Тарб, то приходишь к выводу, что в первой половине XIX века земледелие в этом районе находилось в застое. В 1812 году только в коммуне Оссен (Ossun), вблизи Тарба, стали культивировать искусственные луга.

Ее жители, совершавшие в течение веков дальние перевозки, ознакомились во время этих поездок с культивированием искусственных лугов.

Надо полагать, что их примеру следовали мало, так как лица, проводившие обследование в 1843 году, констатировали почти полное отсутствие искусственных лугов.

В соседнем департаменте Жер, по данным анкеты 1814 года, крупное хозяйство отсутствовало.

¹ «Agriculture française par M. M. les Inspecteurs généraux de l'Agriculture»; Aude, Côtes-du-Nord (1844), Isère (1843), Haute-Garonne (1843), Nord, Hautes-Pyrénées (1843), Tarn (1845), 7 volumes.

См. Н. Сёе, L'agriculture dans les Côtes-du-Nord en 1844, «Annales de Bretagne», t. XXX. См. также С. Моннье, De l'agriculture en France, d'après documents officiels, 2 vol., 1846. Moreau de Jonès, Statistique de l'agriculture en France, 1848.

Там практикуется обработка полей самими собственниками или сдача их в аренду исполу колонам, которых называют половниками (métayers, bordiers).

В июле 1793 года эти половники подняли восстание¹. В 1851 году они восстали снова.

Примерно таким же было положение в департаменте Верхняя Гаронна, хотя крупная земельная собственность занимала здесь большее место. Хозяйство было там очень раздробленным, половничество получило повсеместное распространение, что же касается аренды, «то о ней можно было бы умолчать, если бы она не свидетельствовала об усилиях некоторых собственников, стремившихся применить более совершенные способы обработки земли». На самых бедных почвах еще практиковалось сжигание дерна... В соседнем департаменте Тарн «крупное хозяйство, то есть обработка земли фермерами, которые предоставляли рабочий и продуктивный скот, орудия производства и вообще всю необходимую движимость», было еще не известно в 1814 году². В 1843 году обследователи констатировали то же самое: испольная аренда является причиной рутины, испольщики слишком бедны, чтобы обновить свой инвентарь и способы обработки земли. «Отсутствие какого бы то ни было капитала, за исключением труда половника и его семьи, — основной порок системы». В этом департаменте господствовала кукуруза: «Испольщик отдает предпочтение этому растению, которое доставляет ему его любимую пищу и является основой двухпольного севооборота и одним из источников откорма скота летом». Что касается

¹ См. G. Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur, p. 113, note 5. Около 10 июля половники подняли восстание в дистриктах Миранд (Mirande), Мьелан (Mielan) и Монтезюк (Montesquieu); 14-го они собрались в Миранде, заявляя, что снимают голову с каждого землевладельца, явившегося требовать десятину, «которая принадлежит нам целиком» [см. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 116]. См. книгу Brégaïl, Une insurrection des bordiers dans le Gers en 1793, «Bulletin de la Société du Gers», 1901. Миранд был главным центром восстания в департаменте Жер в декабре 1851 года.

² La Statistique agricole en 1814 (Comité des travaux historiques et scientifiques. Notices, Inventaires et documents). Этот сборник содержит ответы, которые были получены на вопросник, посланный в январе 1812 года, и на циркуляр генерального директора земледелия от 30 декабря 1814 года.

скота, то «он совершенно не отвечает потребностям земледелия».

Эта архаичная техника и нищенские условия жизни полоников и земледельцев, являющиеся ее результатом, составляют разительный контраст с прогрессом техники и сельскохозяйственного производства в областях крупного земледельческого хозяйства. В департаментах Нор и Изер генеральные инспекторы земледелия отметили в результате своего обследования значительные успехи и — что касается департамента Нор — бесспорное господство крупного хозяйства. В Нормандии¹ пар совершенно исчез с 1850 года. В 40-х годах широкое распространение получила культура свеклы и рапса. Яблони, более приспособленные к климату, пришли на смену виноградникам. Фермерское хозяйство стало единственным видом хозяйства в этой области. В результате продажи национальных имуществ городская и сельская буржуазия упрочила свои позиции в земледелии и увеличила свою социально-экономическую мощь. Во время Июльской монархии этот прогресс сельского хозяйства получил дальнейшее развитие в связи с возвращением к земле массы дворян и чиновников-легитимистов; кроме того, промышленная буржуазия стала вкладывать большие капиталы в земельные приобретения, рассматривая это как надежную финансовую операцию и видя в этом средство увеличить свое политическое влияние. Наличие значительных капиталов, усовершенствование техники обработки и орудий производства, интенсивность хозяйства и его растущая продуктивность, коммерческий характер хозяйства, работающего на рынок, — таковы были в 40 годах XIX века характерные черты областей крупного сельского хозяйства, подобно департаменту Нижняя Сена и департаменту Нор.

Эта аграрная концентрация повлекла за собой интенсивный исход сельского населения в города. Из деревни уходили, говоря точнее, не крестьяне, в собственном смысле слова, а люди, занимавшиеся кустарным промыслом, и сельскохозяйственные рабочие, которых деревня не могла уже прокормить. В департаменте Нижняя Сена кустарный промысел совершенно исчез; ткачи отправлялись искать работы в большие текстильные центры Руанского района. Применение сельскохозяйственных машин лишило

работы многочисленных поденщиков. Молотилка пришла на смену цепу. Количество молотилок в департаменте Нижняя Сена возросло с 1489 в 1856 году до 3403 в 1860 году. Обмолот цепами производили зимой; исчезновение цепов обрекало рабочих на безработицу в самое тяжелое время года. Применение кос для уборки урожая привело к тем же результатам: нужно было меньше рук, чем при уборке серпом, и работа шла быстрее. Около 1825 года коса проникает в область Брэ (Bray), район Нижней Сены, наименее доступную для сельскохозяйственных новшеств. Механизация послужила для сельскохозяйственных рабочих одной из решающих причин исхода в города.

В период 40-х годов в областях крупного земледельческого хозяйства завершается, таким образом, агротехнический переворот. Мелкое крестьянство было вытеснено крупными землевладельцами и крупными фермерами, лучше вооруженными для экономической борьбы. Прежний сельский пролетариат, который мог существовать только благодаря правам пользования и кустарным промыслам, лишившись этих дополнительных ресурсов, уходил в новые промышленные города. Социально-экономическая структура областей крупного земледельческого хозяйства сильно отличалась в 1848 году от социально-экономической структуры областей традиционного земледелия. Столь же различной была и реакция этих областей на февральские события.

Крестьянские волнения накануне 1848 года

И без того тяжелое положение мелкого крестьянства еще более ухудшилось в результате аграрного кризиса 1847 года. Упадок традиционного земледелия и распад сельской общины под натиском развивавшихся в деревне капиталистических отношений значительно снизили сопротивляемость мелкого крестьянства экономическому кризису. И это как раз в тот момент, когда агротехнической переворот в областях крупного земледельческого хозяйства не мог еще принести всех своих плодов, то есть увеличения в достаточных масштабах производства, эффективной организации торговли зерном, использования всех возможностей, предоставляемых новыми средствами сообщения и перевозки. Несколько неурожайных лет начиная с 1845 года возродили в деревне призрак голода и его обычных спут-

¹ См. J. Sion, Les paysans de Normandie Orientale.

ников — народные волнения, как это было при старом порядке и во время революции. Цена на пшеницу поднялась. Неурожай затронул главным образом потребителей, а в деревне — бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В Эльзасе разразился голод¹. Уже в 1845 году префект департамента Арьеж писал, что «более 25 тысяч человек находятся на грани того момента, когда они останутся без хлеба»².

Положение крестьянства накануне революции 1848 года было, следовательно, учитывая, конечно, различие исторических периодов, таким же, как и в конце старого порядка. По мере утверждения капиталистического способа производства классовые противоречия обострялись. Огромное крестьянское население жило в нищенских условиях³. Угроза голода в 1846—1847 годах ускорила наступление кризиса. Подобно тому как революции 1789 года предшествовало весной крестьянское восстание, вновь вспыхнувшее в июле во время «Великого страха»⁴, так и революция 1848 года была подготовлена в деревне целым рядом волнений, которые все ширились до тех пор, пока падение Июльской монархии и политические перемены не привели к тому, что долго сдерживаемая ярость крестьян вырвалась на свободу.

* * *

Крестьянские волнения, предшествовавшие революции 1848 года, были вызваны двумя основными причинами: с одной стороны, голодом, последовавшим за аграрным кризисом, а с другой — посягательством властей или крупных землевладельцев на коллективные права крестьянских общин⁵.

¹ Mme Kahan-Rabecq, La crise des subsistances dans le Haut-Rhin à la veille de la Révolution de 1848, «La Révolution de 1848», 1937; F. Ponteil, La crise alimentaire en 1847 dans le Bas-Rhin, «La Révolution de 1848», 1925—1926.

² См. Ph. Morère, Note sur l'Ariège avant le régime démocratique «La Révolution de 1848», 1911—1912.

³ «Крестьянин с тупым лицом, одетый в синюю хлопчатобумажную ткань, проходив по мосту. Бакалейщица сказала мне, что этот человек ест мясо только 8 раз в году, а все остальное время питается простоквашей. В страдную пору крестьяне позволяют себе побаловаться пикетом» [вино плохого качества. — Ред.]; Stendhal, Mémoires d'un touriste; Cosne, 12 avril 1837 (цитировано у Н. Сée, Histoire économique de la France, t. II, p. 144).

⁴ См. G. Lefebvre, La Grande Peur de 1789.

⁵ Archives nationales, BB¹⁸ 1428, 1438, 1440, 1449.

В декабре 1844 года и январе 1845 года в Сен-Лубэ (Saint-Loubès) [департамент Жиронда] имели место беспорядки в связи с продажей с торгов общинных земель. В первых месяцах 1845 года в Сен-Марселе (Saint-Marcel) [департамент Изер] при разделе общинных земель также вспыхнули волнения. Огораживание одним частным лицом «якобы общинных» земель вызвало в декабре 1845 года в Фрозиане (Frosian) [департамент Нижняя Луара] беспорядки. В марте 1846 года «притязания» жителей на осуществление права выгона (droit de passage) привели к волнениям в деревнях Мокпуа (Moscroix) и Варенн (Varennes), округ Фонтенбло. В это же время вспыхнули беспорядки и в Кот-дю-Нор, в Кореле (Caurel), когда было объявлено о разделе общинных ланд. В январе 1847 года бедные жители Бар-ле-Дюка учинили опустошения в лесах¹. В сущности, эти волнения крестьян в защиту их коллективных прав на пустоши, леса и общинные угодья никогда не прекращались со времени старого порядка. Они прекратились только во второй половине XIX века, вместе с окончательным торжеством агротехнического переворота. Знаменательно, что эти волнения не затронули севера Франции, областей крупного земледельческого хозяйства, где капиталистический способ ведения хозяйства и производства окончательно победил архаические методы сельских общин. Волнения затронули области мелкого земледельческого хозяйства, где преобладали многочисленные пловники, которым постоянно угрожали крупные землевладельцы: так, например, в Южной Аквитании, в Бретани... В районах огороженных полей на западе Франции общинные угодья имели столь же большое значение для прокорма скота бедных крестьян, как обязательный выпас по пару или жнивью для областей открытых полей востока Франции. Именно на эти общинные угодья и посылали испольщик, не имевший возможности вести крупное хозяйство и возделывать искусственные луга и не обладавший капиталами для модернизации хозяйства, свой скот, который чаще всего не только кормил его, но и был источником его основных доходов. Продажа общинных угодий или сдача их в аренду, приносившие пользу только зажиточным и богатым собственникам, являлись посягательством на

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1428, 1438, 1440, 1449.

условия существования бедных крестьян. Отсюда их возбуждение и оборонительная реакция каждый раз, как поднимался этот вопрос.

Причиной других волнений, вспыхнувших в деревне в 1846—1847 годах, был голод. Они получили значительно более широкое распространение и имели место даже в областях крупного земледельческого хозяйства. Кризис сельскохозяйственного производства носил общий характер: он затронул сельскохозяйственных рабочих крупных ферм севера Франции в такой же мере, как и мелких испольщиков на юге и западе. Беспорядки на рынках, толпы народа на дорогах, по которым перевозили зерно или картофель, насилие над хлебными торговцами или мельниками — все эти действия мелкого сельского люда были подобны тем, которые имели место при старом порядке или во время революции всякий раз, когда вставал вопрос о продовольствии. В июне 1845 года в Молеоне (Mauléon) [департамент Нижние Пиренеи] вспыхнул бунт, «предлогом» («sous prétexte») для которого послужила дороговизна зерна. Беспорядки, связанные с торговлей зерном, начались в сентябре и охватили в скором времени весь округ, подчиненный юрисдикции Реннского апелляционного суда. В октябре в Живе (Givet) [департамент Арденны] собрались толпы народа, чтобы помешать проезду в Бельгию баржи, груженной картофелем. В ноябре вспыхнули волнения в Шатильон-сюр-Луэне (Chatillon-sur-Loing) в связи с отправкой судна, груженного зерном. С тех пор волнения все множились: в Сен-Ваасте [департамент Нор] в связи с отправкой картофеля в Бельгию (в марте 1846 года); в Жиа (Giat) [департамент Пюи-де-Дом] в мае; в августе в Сент-Аман-сюр-Севр (Saint-Amand-sur-Sèvre) [департамент Дё-Севр]; в Темпле [департамент Вандея]. В Шато-Шинон (Château-Chinon) семь женщин были привлечены к ответственности за то, что они пытались помешать свободному провозу зерна (август-сентябрь 1846 года). В декабре 1846 года в Гранже (Granges) [департамент Вогезы] имели место шумные демонстрации против одного мельника. В первых месяцах 1847 года правительство вынуждено было принять меры против толп нищих, которые бродили в округах Партенэ и Ниор. В феврале 1847 года в Вандее был открыт «заговор», «имевший целью ограбить нескольких владельцев зерна». В августе в районе Лизьё произошли волнения, вызван-

ные недостатком продовольствия...¹ Нужда привела сельскохозяйственных рабочих к осознанию их прав: весной 1846 года в Турском округе была создана коалиция рабочих-виноградарей².

Аграрные волнения продолжались, когда потрясения, вызванные по всей стране февральскими событиями в Париже, придали им новый размах.

«Лесные беспорядки» в 1848 году

Февральская революция лишь увеличила число крестьянских волнений; в этом отношении не было никакого перерыва. Падение июльского режима, нанесшего сильный удар правам пользования, и временное ослабление государственной власти привели к тому, что долго сдерживаемая ярость крестьян вырвалась на свободу. Многие прокуроры отмечают это в своих отчетах. С криками «Да здравствует свобода! Да здравствует Республика!» крестьяне устремлялись в государственные леса или к замку того или другого дворянчика. И именно во имя свободы крестьяне пытались восстановить каждый раз, когда представлялась возможность, свои прежние права пользования. Так уже раньше поступали их отцы во время крестьянского восстания и «Великого страха» 1789 года.

Движение было особенно сильным в лесных районах. Леса играли весьма важную роль в традиционном хозяйстве бедных крестьян: там они находили выгон и подстилку для своего скота, дрова и строительный материал. Во время правления Луи Филиппа многие леса были освобождены от этих прав пользования. В первые же месяцы, последовавшие за февральской революцией, крестьяне вновь стали осуществлять эти права и устремились в леса. Эти волнения затронули главным образом восточные департаменты и районы Пиренеев.

«Опустошения» в лесах района Гебиллер, в государственных лесах Шлештадского округа, «лесные беспорядки» в округе Саргемин, в округе Сарбур³, особенно

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1433, 1436, 1438, 1440, 1445, 1448, 1449, 1450.

² Archives nationales, BB¹⁸ 1442.

³ «Если говорить о населении (основные средства существования которого заключаются в его правах пользования), то это прежде всего население графства Дабо — области, сплошь покрытой лесами,

в Ликсеме (Lixheim): в марте и апреле 1848 года все восточные департаменты были в большей или меньшей степени охвачены движением¹. Особенно сильным было оно на юге, в департаменте Эро; в округе Сен-Пон беспорядки имели место в марте и апреле, а в кантоне Ла-Сальвета в апреле и мае крестьяне учинили опустошения. Речь идет здесь о самых гористых и самых отсталых районах департамента Эро².

Эти лесные волнения достигли своей высшей точки в пиренейских департаментах вследствие крайне бедственного положения сельского населения. В марте и апреле беспорядки и грабежи усилились в округе Баньер-де-Бигор; лесные волнения вспыхнули в Тарде (Tardets) (департамент Нижние Пиренеи), в Нистосе (Nistos) и Салешане (Saléchan) (департамент Верхние Пиренеи). В марте — августе 1848 года крестьяне кантона Керигют (департамент Арьеж) находились в состоянии перманентного восстания³. В своем отчете от 15 апреля 1848 года генеральный прокурор в Тулузе указывает на глубокую причину волнений в кантоне Керигют:

Лесной режим и особенно порядок его осуществления в горных областях не учитывали первейших нужд населения. Живя среди лесов, оно было лишено дров и строительных материалов. Местоположение деревень, трудности перевозки, нищета большинства этих горцев не давали им возможности привозить лес, покупаемый в других местах. Чтобы согреться в зимнюю стужу, старики и дети вынуждены были оставаться в постели по целым дням. Чтобы сварить пищу, некоторые жители сжигали деревянные части своих домов и старую мебель⁴.

где нет места ни для плуга, ни для какой-либо земледельческой работы. Уже более 30 лет пределы и порядок осуществления этих прав пользования вызывали бесчисленные и постоянные недоразумения между жителями и лесной администрацией» (Письмо генерального прокурора (procureur général) в Нанси министру юстиции от 28 марта 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, р. 645).

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1460, 1461, BB³⁰ 359, 362.

² Archives nationales, BB¹⁸ 1461, BB³⁰ 362.

³ Ph. Morère, La Révolution de 1848 dans un pays forestier (canton de Quérigut), «Bulletin de la Société ariégeoise des Sciences, lettres et arts», 1922, t. XV.

⁴ Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

Отчет товарища прокурора при трибунале в городе Прад (департамент Восточные Пиренеи) генеральному прокурору в городе Монпелье отмечает подобные же факты: жители лесных районов Капсира (кантон Монлуи) не могут приобрести дрова и строительный материал. В феврале 1848 года, когда холода были особенно суровы, жители Капсира не имели дров, а им еще предстояло прожить около трех холодных месяцев. С другой стороны, в 1846 году коммуну, расположенным вблизи леса, был нанесен удар запрещением пасти овец в государственных и коммунальных лесах. Следовательно, летом земледелец вынужден был или морить голодом часть поголовья своего стада, или же продать его, в любом из этих случаев он лишался возможности уваживать свою землю и получать хорошие урожаи¹.

7 апреля 1848 года в Синьяке (округ Сен-Годенс, департамент Верхняя Гаронна) жители деревни в течение 10 часов держали под замком господина Фука, владельца леса. Он вынужден был письменно отказаться от штрафов и запрещений, которых ему удалось добиться и которые касались опустошений, чинимых крестьянами, стремившимися восстановить свои права пользования, и согласиться, также в письменном виде, на свободное использование его лесов общиной.

Фук (Fouques), — отмечает генеральный прокурор в Тулузе в своем письме министру юстиции, — осуществляя свои права, действовал чрезвычайно сурово в отношении жителей, которые при предыдущих владельцах пользовались гораздо шире своими правами пользования².

Таким образом, основной причиной лесных беспорядков была нищета жителей; ограничение прав пользования лесами делало невозможным само существование бедных крестьян. В своем письме от 12 июля 1849 года, адресованном министру юстиции, Гюстав Гольденберг, депутат от департамента Нижний Рейн, подчеркивал этот факт:

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1460.

² Archives nationales, BB³⁰ 305, р. 452.

Отсюда ужасная нищета в этих деревнях, жители их вынуждены большей частью обрабатывать бесплодную почву, которая производит мало или совсем не производит пшеницу и которой едва хватает для выращивания картофеля, необходимого для их питания.

С утратой права выпаса и прогона скота в лесах жители вынуждены были почти полностью отказаться от скотоводства, и деревня, которая еще 25 лет тому назад имела от 150 до 200 коров и от 300 до 400 свиней, имеет теперь только от 60 до 80 коров и от 5 до 6 свиней¹.

Преследование в судебном порядке опустошителей лесов было очень затруднительным. В своем письме министру юстиции от 2 апреля 1848 года генеральный прокурор в Тулузе указывает на следующие причины:

До сего времени судебные розыски были тщетными. И этому не следует удивляться. Эти пожары не являются результатом действий одного человека, — это продукт ловких комбинаций и заговоров против прав государства или коммун в отношении лесов, заговоров, порожденных издавна укоренившимися слепыми предрассудками. Сельские жители этих мест убеждены в том, что они были незаконно лишены права собственности на лесные угодья, которые принадлежали им с незапамятных времен. Поэтому каждое политическое потрясение выливается в этих местах в преступные нападения на леса. После 1830 года имели место такие же преступления и опустошения, как и после февральской революции².

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1460. В этой же папке находится несколько дел, касающихся лесных беспорядков в Бар-сюр-Орнен (департамент Мёз), в округе Вержен (департамент Эна), опустошений в лесах Валанкур и Эн (Esne), (округ Камбрэ), а также в районе Сент-Африк (департамент Аверон). См. также в папке BB³⁰ 359 дело относительно лесных беспорядков в кантоне Кэнже (департамент Ду). В своем письме от 25 марта 1848 года, адресованном министру юстиции, первый председатель апелляционного суда в Безансоне указывает, «что пять коммун кантона взбунтовались и заявили о своем намерении установить у себя самоуправление и не признавать над собой никаких властей».

² Archives nationales, BB¹⁸ 1460.

Волнения, связанные с борьбой за восстановление прав пользования лесами, продолжались долго. В 1849 году лесные беспорядки имели еще место в Арбасе (департамент Верхняя Гаронна), в Энгранне (департамент Луаре)¹.

Крестьянские волнения и общинные угодья

Аналогичные беспорядки охватили и те районы, где общинные угодья — ланды и пастбища — занимали значительное место в традиционном крестьянском хозяйстве. Отчуждение этих угодий обрекало на голод безземельных или малоземельных крестьян, которые могли существовать только благодаря тому, что они пасли несколько голов скота на общинных пастбищах. Если бедные крестьяне и соглашались на равный раздел общинных угодий, то они были глубоко враждебны их продаже или сдаче в аренду, ибо это шло на пользу только зажиточным или богатым крестьянам. Февральские события позволили им укрепить их традиционные права перед лицом посягательств на эти угодья деревенской верхушки (portables de village). Бедные крестьяне вновь захватывали прежние общинные угодья, ломали изгороди, воздвигнутые в знак их присвоения, и выгоняли свой скот на отчужденные пастбища.

Таким образом, и в этой области волнения предшествовали февральским событиям в Париже. В Гонфроне (департамент Вар) беспорядки вспыхнули в конце января в связи с проектом постройки церкви:

Злонамеренные лица пустили слух, что сооружение этой церкви обойдется в изрядную сумму и сделает необходимым продажу общинных угодий².

Крестьяне обвинили в этом мэра и разгромили его усадьбу. Февральская революция способствовала усилению этого движения, охватившего в основном районы традиционного земледелия. Коммуна Иньоль (округ Сент-Аман, департамент Шер) уступила на законном

¹ Archives nationales, BB³⁰ 363, 365.

² Письмо генерального прокурора в Эксе (Aix-en-Provence) министру юстиции (17 февраля 1848 года); Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

основании нескольким собственникам, земли которых находились по соседству с дорогами, некоторые дороги, ставшие ненужными. В воскресенье, 2 апреля 1848 года, собралось человек 20 жителей, которые отправились, захватив с собой барабан, и стали громко читать прокламацию, предписывающую всем держателям уступленных дорог отказаться от них. «Если же они этого не сделают, то в следующее воскресенье, 9 апреля, ограды и рвы будут уничтожены»¹. В Сальвета-сюр-Агу (департамент Эро) крестьяне потребовали раздела общинных угодий и выступили против их отчуждения в пользу частных лиц. Отчужденные угодья были ими опустошены². 6 апреля в Плувьоне (Plouvion) (департамент Эна) муниципалитет собирался оформить договор о сдаче в аренду общинных угодий, когда большая толпа жителей вторглась в мэрию. На следующий день они приступили к разделу угодий. Властям Вербена стоило большого труда помешать этому. В конце концов «жители согласились удовольствоваться простой сдачей угодий в аренду при условии раздела угодий на parcelлы, доступные для средств трудящихся»³. В Лионе (округ Монмеди, департамент Мёз) некоторые крестьяне отказались признать нового мэра. Чтобы его уронить в глазах крестьян

они распустили слух, что он не желает провести естественного раздела общинных угодий, а намерен их продать⁴.

В июле 1848 года волнения вспыхнули в Монтиньи-ан-Гоель (округ Бетюн, департамент Па-де-Кале) в связи с сдачей в аренду общинных болот⁵.

Иногда муниципальные власти сами возглавляли движение. Мэры Салешана (Saléchan), Сирадана (Siradan) и Тэба (Thèbes) (департамент Нижние Пиренеи) отправились во главе жителей своих коммун на территорию

¹ Archives nationales, BB³⁰ 356, p. 486.

² Письмо прокурора Республики в Сен-Поне генеральному прокурору в Монпелье от 3 мая 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 111.

³ Письмо генерального прокурора в Амьене министру юстиции от 10 апреля 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 359, p. 42. См. также BB³⁰ 365.

⁴ Отчет генерального прокурора в Нанси от 14 апреля 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 657.

⁵ Archives nationales, BB³⁰ 365.

Соста (Sost) и Эсбарека (Esbareich), чтобы уничтожить изгороди на землях, которые, по их мнению, были захвачены либо государством, либо наследниками семьи Люкан (Luscan). Они сломали живые изгороди на протяжении 2500 метров и разрушили несколько хижин. Поля, на которых еще не был убран урожай, были опустошены¹.

Жители Брезона (округ Сен-Флур, департамент Канталь) опустошили в мае 1848 года леса, луга и пастбища, принадлежавшие крупному землевладельцу.

Предлогом для этих набегов, — писал последний в своем прошении министру, — послужило старинное право пользования, урегулированное уже много лет тому назад в судебном порядке и выкупленное путем уступки в полную собственность части леса.

В самом деле, решением суда в Риоме в 1847 году была выделена часть леса к великому недовольству крестьян. В своих претензиях, отмечает генеральный прокурор, они основывались на том,

что во время революции 1789 года этот лес, конфискованный у эмигрировавшего землевладельца, принадлежал коммуне и был возвращен ему по закону 1814 года².

В Пенпоне (Paimpont) постановлением суда города Ренна от 1827 года за господином де Фермон было признано право собственности на пустошь, «довольно обширную». Новый землевладелец огородил эту землю, чтобы засадить ее деревьями. Жители деревни Ла Виль-Дане, лишенные тем самым права пользования, сломали однажды ночью в июне 1848 года изгородь и загнали свой скот на территорию, где были посажены саженцы деревьев³.

Эти волнения, связанные с отчуждением общинных угодий, наносившим тяжелый удар интересам бедных крестьян, продолжались в течение всего 1849 года.

¹ Письмо генерального прокурора в По министру юстиции от 3 августа 1789 года; Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 27.

² Письмо министру юстиции от 16 июня 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 365, p. 17.

³ Письмо генерального прокурора в Ренне министру юстиции от 23 июня 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 385.

В марте в Ремулене (департамент Гар) крестьяне опустошили поле ячменя, впервые засеянное одним земледельцем, которое до этого они использовали в качестве пастбища¹. В Селе (Ceilhes) (округ Лодев, департамент Эро) крестьяне заставили лиц, купивших общинные земли, проданные в 1816 году, вернуть их, чтобы распределить между неимущими (май 1849 года)². В декабре в Музейе (Mouzeuil) (департамент Вандея)³ администрация вынуждена была выступить в защиту всего населения против меньшинства, которое требовало отчуждения если не в полную его собственность, то по крайней мере на условиях исключительного права пользования общинного болота, где прежде каждый имел право пасти скот, уплачивая известную сумму⁴.

Крестьянские волнения и права пользования

Итак, что касается прав пользования лесами и общинных угодий, то успехи развития капиталистического производства вели к ограничению одних и отчуждению других в ущерб бедным крестьянам, для которых они были важным вспомогательным источником существования. Другие права пользования, столь же необходимые для существования мелкого крестьянства, стали объектом аналогичных притязаний: это право на отаву на лугах, право сбора колосьев после жатвы и право на жниво. Хотя выступления в защиту этих прав были не столь многочисленны, однако они не менее характерны.

В Прико (округ Кастельнодари) в мае 1848 года жители отправились на спорную парцеллу, скосили на ней траву и продали сено на следующий день с торгов

с разрешения муниципального совета, возглавляемого заместителем мэра. Мэр, отсутствовавший в тот день, заявил впоследствии, «что он поступил бы так же, как другие»¹.

В Конке (департамент Од) 27 и 28 июня человек 30 мужчин и большое число женщин и детей собрались около дерева свободы и затем разошлись по окрестным деревням. Ими руководило несколько вожаков, которые заявляли им, что необходимо помешать землевладельцам использовать для жатвы косы и заставить их вернуться к применению серпов, чтобы обеспечить работу большему количеству рук, а также запретить им под страхом смерти использовать на полях грабли². Применение граблей наносило, очевидно, вред интересам бедных крестьян, пользовавшихся правом сбора колосьев. Применение косы, скашивающей пшеницу на уровне земли и оставляющей очень низкую стерню, в то время как серпом жнецы срезали пшеницу на 50 сантиметров выше уровня почвы, также причиняло большой вред интересам крестьян, обладавших правом на жниво. Кроме того, для уборки урожая косой требуется меньше рабочих рук. Понятны поэтому требования бедных крестьян Конка, над которыми нависла угроза остаться без работы. Реакция мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих на технический прогресс в земледелии была столь же бурной, как реакция промышленных рабочих на применение машин в промышленности. Обреченные на безработицу и голод в результате применения сельскохозяйственных орудий и машин, требующих меньшего количества рабочих рук, они ожесточенно защищали традиционную технику, применение которой обеспечивало им существование, а именно: серп против косы, ручной обмолот против молотилки. В промышленных районах февральские дни вызвали ряд беспорядков: рабочие ломали машины, лишившие их работы; так было в Реймсе, в Сен-Кантене, в Армантьере, в Лильбонне... Реакция трудящихся деревни была идентичной.

В коммуне Сен-Жан-де-Ведас (департамент Эро), если верить отчету генерального прокурора в Монпелье от

¹ Письмо генерального прокурора в Монпелье министру юстиции от 17 мая 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, р. 148.

² Донесение дивизионного генерала, командира 9-й дивизии, военному министру от 2 июля 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, р. 177.

¹ Отчет генерального прокурора в Ниме о политическом положении от 22 марта 1849 года; Archives nationales, BB³⁰ 364, р. 84.

² Письмо генерального прокурора в Монпелье министру юстиции от 19 мая 1849 года; Archives nationales, BB³⁰ 362, р. 401.

³ Письмо генерального прокурора в Пуатье министру юстиции от 11 декабря 1849 года; Archives nationales, BB³⁰ 364, р. 220.

⁴ В Мезе (департамент Эро) крестьяне вторглись в солончаки. «Они пытались проникнуть в солеварни с криками «Да здравствует Республика и свобода»; они требовали «соли или смерти». Отбитые в первый раз, они вернулись с подкреплением и «унесли соли столько, сколько пожелали» (Письмо генерального прокурора в Монпелье министру юстиции от 10 марта 1848 года; Archives nationales, BB¹³ 1462).

17 мая 1848 года, целому ряду землевладений был причинен значительный ущерб¹.

Эти опустошения были, конечно, совершены сельскохозяйственными рабочими, ведущими со времени революции борьбу с землевладельцами: во-первых, из-за заработной платы; во-вторых, из-за найма на работу пришлых людей, не являющихся жителями коммуны; и, в-третьих, из-за применения вновь изобретенного плуга для обработки винограда, что сокращает необходимое количество рабочих рук. Землевладельцы, виноградники которых были опустошены, не согласились на условия рабочих, принимая на работу пришлых людей или используя новый плуг.

Еще более показателен инцидент, происшедший в коммуне Мениль-Амло (округ Мо, департамент Сена и Марна), о котором упоминает в своем письме от 2 марта 1848 года генеральный прокурор в Париже²: «На ферму, принадлежащую сьеру Ледюку, вторглась огромная толпа крестьян. Они сломали молотилку и угрожали фермеру расправиться с ним». Четырнадцать крестьян, которых обвинили в поломке сельскохозяйственной машины, в нарушении неприкосновенности частного жилища и в бунте, были отправлены в уголовную полицию.

В системе традиционного земледелия кустарный промысел играл еще большую роль. Поэтому не удивительно, что в 1848 году в бедных районах, где крестьяне могли существовать только благодаря дополнительным ресурсам, которые обеспечивал им кустарный промысел, жители восстали против применения станков. В Сен-Поне (департамент Эро) собрались крестьяне окрестных деревень, «чтобы уничтожить станки господина Мэнго и потребовать работы»³.

Таким образом, при всех внешних различиях крестьянских волнений 1848 года они отличались глубоким внут-

ренним единством. Касались ли они лесов, общинных угодий, прав пользования и общинных обычаев или сельскохозяйственных машин и новой техники, они были только выражением нищеты и отчаяния мелкого крестьянства перед прогрессом капитализма в сельском хозяйстве, который лишал его былых средств существования и низводил в ряды немущих пролетариев. Драматический конфликт, трагическое противоречие: новое земледелие могло развиваться лишь на развалинах старого крестьянства, привязанного к традиционному земледелию.

Борьба классов в деревне

Объект конфликта и его непримиримость сделали классовую борьбу в деревне особенно острой. Во время волнений, связанных с борьбой за права пользования, крестьяне часто нападали на собственность, государственные леса или на прежние отчужденные общинные угодья с единственной целью — восстановить прежнее положение вещей. Очень часто они не имели ясного представления о борьбе классов. Но в ходе этой борьбы за сохранение или восстановление прав пользования или просто за утверждение их права на жизнь бедные крестьяне не могли не осознать интересов своего класса, не могли не понять, что их интересы противоположны интересам имущих классов. Таким образом, в аграрных волнениях 1848 года бедные крестьяне вскоре столкнулись с сельской буржуазией или земельной аристократией. Борьба за права пользования и за сохранение традиционных условий жизни вылилась в классовую борьбу. Эта социальная борьба ускорила в свою очередь развитие политического самосознания крестьянских масс. Таким образом, движение крестьян, носившее вначале социальный характер, вылилось в движение политического характера.

Не все конфликты походили один на другой и не везде крестьянство реагировало одинаковым образом. Чаще всего бедные крестьяне выступали против крупных земельных собственников, которые проявили себя наиболее рьяными сторонниками уничтожения прав пользования. Иногда крестьяне столь же решительно выступали против притязаний старой земельной аристократии.

Показательны в этом отношении опасения, которые испытывали порой крестьяне при мысли о восстановлении

¹ Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 148.

² Archives nationales, BB³⁰ 363, p. 406, 407, 408. О начале применения сельскохозяйственных машин см. H. Séé, Histoire économique de la France, t. II; «Первые молотилки с вертикальным барабаном были импортированы в 1818 году Матгё де Домбаль из Англии и Швеции. Один выдающийся техник Ф. де Жирар сказал по этому поводу: «Давайте делать станки для заводов, но оставим человеку благотворные сельские работы».

³ Письмо генерального прокурора в Монпелье министру юстиции от 9 марта 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

сенъериального порядка. В Турноне (департамент Ло и Гаронна) в день выборов (27 апреля 1848 года) некий сьер Боннефу, известный своими крайними легитимистскими взглядами, заявил публично, «что в скором времени десятины и ренты будут восстановлены». В результате вспыхнуло настоящее народное возмущение, которое властям лишь с трудом удалось успокоить¹. Перед лицом притязаний легитимистской земельной аристократии крестьяне объявили себя республиканцами-социалистами. Так было в Дордони при выборах в Законодательное собрание в мае 1849 года. Генеральный прокурор в Бордо указывает в своем отчете, что социалисты одержали верх, получив 16 тысяч голосов. Он считает главной причиной этого успеха «страх крестьян (который всячески разжигали)» перед «восстановлением десятины и барщины прежними дворянами и буржуа»².

Однако, несмотря на притязания земельной аристократии, заблуждение было вскоре развеяно. Мелкому крестьянству угрожало не столько это, сколько посягательства всех земельных собственников, будь то дворяне, или буржуа, или просто крестьяне. Со времени революции и империи образовалась настоящая сельская буржуазия, интересы которой не совпадали с интересами бедного или пролетаризированного крестьянства. Это против нее, как и против крупных собственников, дворян или буржуа, выступили в 1848 году бедные крестьяне, и прежде всего против тех, кто занимался ростовщичеством.

Борьба против ростовщиков

В ночь со 2 на 3 марта толпа вооруженных крестьян, собравшихся на территории департамента Верхние Пиренеи, вторглась в кантоны Сен-Беа и Сен-Бертран (округ Сен-Годенс, департамент Верхняя Гаронна):

Они разграбили замок господина Гулара, бывшего депутата, расположенный в Люкане (Luscan), а также, говорят, замок герцога Ровиго, находящийся в Барба-

зане, и, наконец, собрали своего рода дань с нескольких зажиточных собственников этой же области¹.

В некоторых кантонах на границах департаментов Верхние Пиренеи и Верхняя Гаронна 29 февраля разразилась настоящая жакерия, когда стало известно о провозглашении республики; в кантоне Молеон-Барус собралась толпа, вооруженная топорами, пиками, копьями, вилами и даже ружьями. Она направилась в некоторые соседние коммуны, добывая с помощью угроз и насилия то продукты, то деньги. 1 марта крестьяне, все еще вооруженные, оказались уже в Молеоне, они потребовали денег у священника и заставили кредитора нескольких крестьян, находившихся в толпе, выдать расписки в получении причитающихся с них сумм. На следующий день толпа прошла через коммуны Антишан, Сакуе, Труба, Анла, Изакур, Лур, Тэб и Казариль. Там они забрали ветчину и потребовали от местных кюре денег и продуктов. В Изакуре они заставили сборщика податей уплатить им 60 франков и выдать продукты. В Анла они ворвались в дом одного «богатого человека» и, угрожая лицам, находившимся там, потребовали денег и продуктов, а многие должники, находившиеся в толпе, потребовали возврата подписанных ими долговых обязательств... В Бертрене они ограбили четырех частных лиц. В Труба с двух жителей также была взискана контрибуция... Отсюда толпа направилась к замку господина Гулара в Люкане. Что касается причин этой жакерии, то генеральный прокурор в По указывает на них в конце своего доклада министру юстиции:

«Покойный господин Ферро, тесть господина Гулара, занимался ростовщичеством в этой области в очень широких масштабах. Именно его большое число несчастных горцев обвиняет в своем разорении. В Анла также имеется семейство, которое было раньше просто зажиточным, но затем разбогатело, беспощадно и бесстыдно используя затруднительное положение жителей этой долины»².

Злоупотребления, совершенные ростовщиками, привели в кантоне Керигют к подобным же волнениям, которые как бы отпочковались от лесных беспорядков. В Мижане,

¹ Письмо прокурора республики в Вильнёв-сюр-Ло министру юстиции от 26 мая 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1463.

² Archives nationales, BB³⁰ 359, p. 440.

¹ Письмо генерального прокурора в Тулузе министру юстиции от 4 марта 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

² Письмо генерального прокурора в По министру юстиции от 8 марта 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

одной из крупнейших деревень кантона, крестьяне предъявили свои претензии некой девице Отье, унаследовавшей от своего отца, бывшего врача, несколько ростовщических долговых требований. Она вынуждена была аннулировать их под угрозой смерти. «Таким образом, за два дня путем ликвидации долговых обязательств было похищено от 25 до 30 тысяч франков». Некий сьер Ютеза, «капиталист» из той же деревни, вынужден был отказаться от расписок или квитанций на сумму около 600 франков¹.

Следует сопоставить эти действия крестьян пиренейских районов против «капиталистов», которые ссужали деньги из высоких процентов, с антисемитскими волнениями во многих эльзасских деревнях; они были направлены против евреев, занимавшихся ростовщичеством. С февраля по апрель 1848 года грабежи и насилия против еврейского населения имели место в Альткирке, Танне, Феррете, Дюрменаке, Эгенеме, Нидеражентале (департамент Верхний Рейн), в Брюмате, Мармутье и в Саверне (департамент Нижний Рейн)². Понятно, что крестьяне обрушили свой гнев на всех евреев без различия.

Так, например, в Обердорфе напали на евреев, хотя почти все они были неимущими. Таким образом, везде начинали с синагог, а между тем синагоги не занимались ни торговлей, ни ростовщичеством³.

Борьба против крупных земельных собственников

Там, где они не могли излить свой гнев на тех, кто ссужал им деньги из ростовщических процентов, там бедные крестьяне нападали просто на крупных земельных собственников. 22 марта 1848 года в департаменте Верхняя Вьенна, в Рилак-Роконе, в Сен-Прист-Торьоне и в Дурмазаке крестьяне собрались и направились в крупные землевладения и замки. Они сбили флюгера с башенок замка господина Мюре де Бор. 22 апреля в Сен-Матьё (округ Рошешуар) толпа угрожала собственности богатого

¹ Письмо генерального прокурора в Тулузе министру юстиции от 15 апреля 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

² Archives nationales, BB¹⁸ 1461, BB³⁰ 359.

³ Lettre de Schoëngrun, son ancien secrétaire, au ministre de la Justice, datée de Colmar, mars 1848; Archives nationales, BB¹⁸ 1461.

жителя этой местности¹. В апреле в Шаллане (округ Ле Сабль-д'Олонн, департамент Вандея) в деревушке Райльер было сделано несколько попыток поджога. Записка, найденная на следующий день после одной из этих попыток, гласила: «Мы учинили поджог в Райльере, чтобы проучить этих каналий буржуа». В другой записке было написано: «Хлеба или огонь»². В июне в кантоне Сент-Илер де Лож (округ Фонтене, департамент Вандея) в связи с открытием клуба несколько крестьян подбивали население «броситься на богатых»³.

В некоторых районах противодействие бедных крестьян крупным землевладельцам выразилось в отказе платить арендную плату. Так, например, в Дурне (округ Кастр, департамент Тарн).

Со времени февральских событий большинство арендаторов стало претендовать на то, чтобы пользоваться землею, как обычно, но без выплаты арендной платы. Некоторые из них дошли даже до того, что после снятия урожая картофеля — единственной культуры, на которую им давал право их арендный договор, — завладели несколькими полями, обработали их... и засеяли рожью.

Суд восстановил землевладельца в правах владения захваченными у него землями. Но в тот же день, как только стало известно решение суда, большинство крестьян, заинтересованных в этом процессе, отправились в сопровождении приблизительно 150 человек, вооруженных топорами и садовыми ножами, в лес этого же землевладельца и подвергли его опустошению⁴.

Мелкие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие стремились, очевидно, к приобретению земель, чтобы стать экономически независимыми. Они требовали, во всяком случае, увеличения заработной платы и некоторых гарантий против произвола крупных землевладельцев или крупных фермеров. Если они еще не осознали необходимости

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

² Письмо генерального прокурора в Пуатье министру юстиции от 27 июня 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

³ Письмо генерального прокурора в Пуатье министру юстиции от 27 июня 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 364, р. 90.

⁴ Письмо генерального прокурора в Тулузе министру юстиции от 17 ноября 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 365, р. 499.

аграрной реформы, как мы ее понимаем в настоящее время, то, во всяком случае, они намеревались определенным образом ограничить абсолютное право собственности и, не колеблясь, требовали права обработки заброшенных земель или регламентации различных условий арендных договоров в том, что касается земледельческих работ и использования рабочей силы. Февральские события и огромные надежды, которые они породили у трудящихся, делают понятными последовавшие за революцией попытки крестьян захватить землю или добиться повышения заработной платы.

2 апреля в Долюсе (Dolus) на острове Олерон (департамент Нижняя Шаранта) в деревне вспыхнуло волнение. Толпа упрекала буржуазию в суровом обращении с народом, требовала увеличения заработной платы и угрожала смертью и грабежом в случае отказа. Перепуганный помощник мэра на следующий день приказал опубликовать уведомление, согласно которому «землевладельцу должен платить 1 франк 50 сантимов за рабочий день и 30 франков за обработку одного картье виноградников»¹.

В мае 1848 года в кантоне Люнель (департамент Эро) огромные толпы сельскохозяйственных рабочих являлись к землевладельцам или фермерам, располагались на их землях, обрабатывали их вопреки воле хозяев, угрожая последним насильем, если они вздумают воспрепятствовать этому. Закончив работу, они требовали уплатить им из расчета 2 франка 50 сантимов за день, то есть на 50 сантимов больше ранее установленной платы. В своем отчете генеральный прокурор в Монпелье подчеркивал, что

события в Люнеле имеют своей первопричиной ложное представление, которое составило себе рабочее население, в частности малообразованные сельскохозяйственные рабочие, об обещаниях февральской революции относительно организации труда. Заверение правительства, что оно позаботится о том, чтобы каждый человек мог жить работая, сельскохозяйственные рабочие поняли в том смысле, что им предоставляется право навязывать себя землевладельцам. Возможно, некоторые землевладельцы из-за денежных затруднений или по другим причинам медлили с проведением работ и тем

¹ Письмо генерального прокурора в Пуатье министру юстиции от 22 апреля 1848 года; Archives nationales, ВВ¹⁸ 1463.

самым дали рабочим предлог для выступления; но несомненно одно — сельскохозяйственные рабочие, организовавшись, присвоили себе право обрабатывать земли там, где они пожелают, без согласия и даже вопреки запрещению землевладельца или арендатора¹.

Движение сельскохозяйственных рабочих продолжалось в течение 1849 года в департаменте Эро. Письмо генерального прокурора в Монпелье от 31 марта уведомляло о создании объединения сельскохозяйственных рабочих в Вике:

Особенно возмутительным является факт избрания рабочими комиссии, задачей которой является вмешательство в заключаемые между землевладельцами и арендаторами арендные договоры, с тем чтобы наблюдать и регламентировать все условия, относящиеся к земледельческим работам, их продолжительности и оплате².

Борьба против налога в 45 сантимов

Налог в 45 сантимов привел к ухудшению положения бедных крестьян и содействовал во многих районах росту их волнений³. Не собираясь излагать здесь истории сопротивления крестьян этому налогу, мы подчеркнем лишь особенности его распространения. Оно затронуло главным образом юго-запад, юго-восток и центр, то есть области мелкого земледельческого хозяйства и полownичества, в которых после февральских дней 1848 года произошли самые крупные волнения. Нищета лишала крестьян возможности уплатить налог и толкала их на восстание. Так было, например, в департаменте Крёз.

Департамент Крёз, который также подвергся отчасти влиянию коммунизма, особенно округ Шамбон,

¹ Archives nationales, ВВ³⁰ 362, р. 117, 118. Это движение сельскохозяйственных рабочих затронуло кантоны Монпелье, Мез, Фабрег, но особенно Люнель.

² Archives nationales, ВВ³⁰ 364.

³ В Дордони, например (в основном сельскохозяйственная область с мелким земледельческим хозяйством), фискальные вопросы сыграли, казалось, решающую роль в деле народных волнений; см. G. Rocal, 1848 en Dordogne, 1934.

оказался действительно в тяжелом положении, так как его жители не имеют возможности эмигрировать в этом году, как это вошло у них в обычное, в департамент Сена, в соседние департаменты, а также в департамент Рона, где они могут легко найти применение и спрос на свое мастерство каменщиков, штукатуров, каменотесов и т. д. Безденежье, являющееся результатом этого, делает их весьма восприимчивыми к советам агитаторов¹.

В своем письме от 6 сентября 1848 года министру юстиции генеральный прокурор в Монпелье отмечал как вполне естественное явление тот факт, что большинство актов сопротивления взиманию налога в 45 сантимов имело место в департаменте Аверон; эта горная, обычно бедная область была в этом году ввергнута в глубокую нищету². 11 сентября он вновь подчеркивает, «что в кантоне Марсийак (департамент Аверон) много бедных мелких собственников, которые не могут уплатить нового налога и которых одно это приводит в возмущение»³.

«Да здравствует правосудие, мы будем почитать правосудие, но мы не можем платить», — кричали генеральному прокурору в По крестьяне Арроса⁴ (департамент Нижние Пиреней). Сопротивление было оказано также в округе Миранд (департамент Жер), где восстание приняло особенно сильный размах в 1851 году:

Несколько коммун (сначала, говорят, их было четырнадцать, теперь же их больше, причем число их, по-видимому, еще возрастет) объединились, чтобы помешать с оружием в руках осуществлению любого мероприятия, имеющего целью принудить их уплатить налог⁵.

Сопротивление отмечалось также в департаментах Шаранта и Дордонь, где почти все коммуны направили петиции Национальному собранию, требуя освобождения от

¹ Отчет генерального прокурора в Лиможе от 12 июля 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462; см. J. Levron, Une révolte de contribuables, 1936.

² Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

³ Там же.

⁴ Письмо генерального прокурора в По министру юстиции от 2 сентября 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

⁵ Письмо генерального прокурора в Ажене министру юстиции от 6 июня 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

налога в 45 сантимов¹. В Л'Иль-ан-Додоне (департамент Верхняя Гаронна) в июне 1848 года «мэр заявил, что жители готовы уплатить обычные налоги, но, несмотря на все свое желание, они не могут в данный момент уплатить налог в 45 сантимов». 19 и 20 января 1849 года крестьяне окрестных коммун направились в Гурдон (департамент Ло) и завладели им на несколько часов. Поводом послужил налог в 45 сантимов, глубокой же причиной этого была нужда крестьянских масс.

Нищета крестьян этой области поистине огромна. Ужасные грозы опустошили их нивы. Господин супрефект, возвратясь в Гурдон после объезда области, сказал [...], что часто встречаешь в деревнях дома, крыши которых разбиты градом, и владельцы не смогли еще их починить².

Весь юго-запад пришел в движение в результате новых требований фиска, однако эти волнения не носили какого-либо политического характера. Они были вызваны в основном нищетой мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

В то же время в области, подчиненной юрисдикции Руанского апелляционного суда, не было никаких волнений в связи с взыванием налога в 45 сантимов, как об этом сообщал генеральный прокурор в своем письме от 30 сентября 1848 года.

Нельзя сравнивать стихийное восстание бедных крестьян против налога в 45 сантимов и заранее согласованное политическое сопротивление крупных землевладельцев «партии порядка». Начиная с 12 мая 1848 года правительственный комиссар в Анжере обращал внимание министра внутренних дел на кампанию, которую развернула легитимистская газета «Юнион де л'Уэст» и которую быстро подхватила консервативная «Журналь дю Мен-э-Луар», и разоблачал

очень богатых и весьма консервативных вдохновителей этих статей. У них нет никаких оправданий, никаких причин для сопротивления, кроме их эгоизма и ненависти к революции.

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

² Отчет генерального прокурора в Ажене о беспорядках в Гурдоне (департамент Ло); Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

То же писал генеральный прокурор в Пуатье в своем письме министру юстиции от 19 мая 1848 года:

Вообще следует признать, что земледельцы, самые богатые и образованные собственники, мало расположены платить этот налог.

Оказывается, богатые землевладельцы, принадлежащие к легитимистской партии, отказывались удовлетворить требование сборщика налогов, о чем сообщал генеральный прокурор в Лиможе 31 июля 1848 года, согласно информации товарища прокурора в Бельлаке. То же писал в своем письме от 2 сентября 1848 года генеральный прокурор в По:

Долина Нэ, самая богатая из многочисленных долин этого департамента, и [...], в то время как бедные кантоны выплачивают налог в 45 сантимов, самые богатые кантоны, такие, как Нэ и Кларак, отказываются платить [...]. Все эти беспорядки инспирированы легитимистской партией и духовенством¹.

Политическая эволюция бедных крестьян с 1848 по 1851 год

Борьба за сохранение прав пользования, классовые столкновения с крупными земельными собственниками, противодействие взиманию налога в 45 сантимов — вся эта борьба бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих имела, несомненно, и политический аспект. Бедное крестьянство начало сознавать, что оно составляет особый класс, который должен преследовать свои собственные цели и не идти всегда на поводу у земельной аристократии или сельской буржуазии. Политические страсти обостряли в деревне социальные конфликты, противопоставляя богатых бедным, трудящихся — буржуа, тех, кто носят сюртуки, — тем, кто носит блузы.

30 июля 1848 года в Майе (Maillé) (округ Монморийон, департамент Вьенна) муниципальные выборы сопровождались беспорядками.

В 2 часа дня можно было уже с уверенностью

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1462. Эта сноска относится к трем последним цитатам.

утверждать, что большинство обеспечено членам прежнего муниципалитета, состоявшего из уважаемых земледельцев-собственников.

Крестьяне попытались тогда прервать голосование и захватить урну. Началась потасовка. Вечером порядок был восстановлен.

Но некоторые, уходя, говорили: «На этот раз сюртуки одержали верх, но скоро наступит очередь блуз»¹.

Социальные требования способствовали, таким образом, пробуждению политического сознания крестьянских масс. Генеральные прокуроры часто упоминают в своих отчетах о криках «Долой белых! Долой богачей! Долой буржуа!» Но этим и ограничивается часто выявление политических идей бедного крестьянства. В некоторых районах они склонялись, очевидно, на сторону республиканцев-социалистов. В одном из писем генерального прокурора в Риоме от 8 апреля 1849 года сообщалось, что в Сен-Леоне (округ Кюссе, департамент Алье) состоялся «социалистический банкет, на котором присутствовало человек шестьдесят гостей, принадлежавших к классу земледельцев». На банкете раздавались крики «Долой белых! Долой богачей! Долой буржуа!»²

Но ненависть крестьян к крупным собственникам — легитимистам, орлеанистам или умеренным республиканцам — чаще всего толкала их в объятия Луи Наполеона Бонапарта, в котором они видели защитника их требований.

Против «Республики богачей» и за Луи Наполеона в 1848 году

Как подчеркивает Карл Маркс в «Классовой борьбе во Франции», налог в 45 сантимов сыграл, несомненно, большую роль в охлаждении крестьян к республике.

В действительности же он пал прежде всего на крестьянство, т. е. на огромное большинство французского народа. Крестьянам пришлось нести издержки

¹ Archives nationales, BB³⁰ 364.

² Archives nationales, BB³⁰ 365, p. 96.

февральской революции, — и они составили главную армию контрреволюции. Налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики...

В то время как революция 1789 г. начала с того, что освободила крестьян от бремени феодальных повинностей, революция 1848 г., чтобы не повредить капиталу и обеспечить ход его государственной машины, первым делом преподнесла сельскому населению новый налог¹.

Луи Наполеон Бонапарт воспользовался бездарностью республиканских правителей, сыграв на величии своего имени.

Наполеон, — замечает далее Карл Маркс, — был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса... Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: «Plus d'impôts, à bas les riches, à bas la république, vive l'Empereur!» — «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!» За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была *республикой богачей*².

В Бадонвилле (округ Люневиль, департамент Вогезы) избрание принца президентом республики было отпраздновано 25 декабря 1848 года иллюминацией, при криках «Да здравствует Наполеон, долой богачей, аристократов на фонарь, да здравствует гильотина!» Беспорядки в Бадонвилле, пишет генеральный прокурор в Нанси, являются

симптомом брожения умов в деревне. Они могли бы стать прелюдией других событий, которые хотели бы развязать, разжигая политические страсти, используя бедственное положение нашего сельского населения, постепенно внушая ему чувства, выражающиеся в кри-

как «долой богачей», которые раздавались у дверей избирательных участков во многих местах моего округа во время недавних выборов президента¹.

Президентские выборы 10 декабря 1848 года

Налог в 45 сантимов, бездарность правителей и как результат — непопулярность республики, притягательная сила воспоминаний о наполеоновской эпохе — таковы причины успеха Луи Наполеона Бонапарта на выборах 10 декабря 1848 года. Но глубокой причиной этого успеха, по крайней мере в том, что касается мелкого крестьянства, было недовольство, явившееся результатом его крайней нищеты, которую еще более усилил возобновившийся сельскохозяйственный кризис. Если сельскохозяйственный кризис 1846—1847 годов привел к голоду и дороговизне, нанося тем самым ущерб потребителю, то кризис 1848 года был кризисом перепроизводства и отсутствия сбыта, наносившим ущерб производителям. Отсюда «бедственное положение нашего сельского населения», о котором говорит генеральный прокурор в Нанси. В 1847 году гектолитр пшеницы в среднем стоил 29 франков 46 сантимов, а в 1848 году — только 16 франков 27 сантимов, то есть почти вдвое меньше. С 40 франков 85 сантимов в 1847 году цена гектолитра вина понизилась до 28 франков 45 сантимов в 1848 году. Недовольство крестьян было тем более велико, что налоги увеличились как раз тогда, когда снижались их доходы.

В этом отношении характерны события, развернувшиеся в департаменте Шаранта. Еще во время революции, в 1791 году, здесь вспыхнули волнения среди *испольщиков*². В июле 1848 года в Антоне (Anton) (округ Сен-Жан д'Анжели) были расклеены листовки со словами:

¹ Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 698.

² G. Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur, p. 112—113. «Движение это известно главным образом как антифеодальное, но не приходится сомневаться в том, что крестьяне оспаривали у владельцев и право пользования совокупностью оброков, которое они считали отмененным или же отмены которого стремились добиться» [см. Ж. Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху террора, Соцэкгиз, Л., 1936, стр. 115].

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 22.

² Там же, стр. 42—43.

«Да здравствует Наполеон! Долой республику!» — в них угрожали смертью тем, кто уплатит налог в 45 сантимов. В кантоне Мирамбо (округ Жонзак) в октябре раздавались те же крики: «Долой 45 сантимов! Да здравствует император! Долой республику!» Коммуна Ла Вильдьё (La Villedieu) (округ Сент) заявила, что, поскольку она не признает республики, она ничего ей не должна. Это сопротивление было в основном вызвано нищетой, ответственность за которую крестьяне возлагали на республику. Анализируя эти причины, генеральный прокурор в Пуатье считает первой из них

поистине бедственное положение и глубокую нужду, которые являются следствием полного прекращения торговли вином и водкой, составляющей все богатство Сентонжа¹.

Переворот в настроении крестьян в 1849 году

Но присоединение крупных собственников к «партии порядка» и поддержка, которую они оказали делу бонапартистов, неизбежно привели к тому, что мелкие крестьяне заняли противоположную политическую позицию, несмотря на сильное влияние, которое оказывали крупные собственники на своих исполщиков, особенно на западе и в центре. Именно тогда исчезло противоречие, так долго дававшее себя чувствовать, между земельной аристократией, или тем, что еще от нее осталось со времени старого порядка, и собственниками-недворянами — буржуа или сельскими хозяевами, разбогатевшими благодаря покупке национальных имуществ, и образовалось то братство собственности, о котором говорит Токвиль. Эта новая консолидация класса крупных собственников способствовала усилению классового самосознания бедного крестьянства. В районах, где мелкое крестьянство подвергалось особенно сильной эксплуатации, в 1849—1850 годах стали распространяться передовые республиканские идеи.

В этом отношении показательно замечание одного депутата от департамента Нижний Рейн:

¹ Archives nationales, BB¹³ 1462.

Во время выборов президента республики это бедное население голосовало как один человек за Наполеона, надеясь, что он восстановит их права пользования лесами, которыми они располагали при Императоре. Они обманулись в своих надеждах, между тем как кандидаты противоположной партии обещали вернуть им права пользования лесами. Это и послужило основной причиной поражения друзей президента во время последних выборов (12 июля 1849 года)¹.

Но понятнее всего, — замечает Карл Маркс, — говорил самый опыт, приобретенный классом крестьян при использовании избирательного права, говорили те разочарования, которые одно за другим обрушивались на него в стремительном развитии революции...

Постепенный переворот в настроении крестьянства проявился в различных симптомах. Он сказался уже на выборах в Законодательное собрание, сказался в том, что было введено осадное положение в пяти департаментах вокруг Лиона, сказался спустя несколько месяцев после 13 июня в избрании департаментом Жиронды монтаньяра на место бывшего председателя «бесподобной палаты» [chambre introuvable], сказался 20 декабря 1849 г. в избрании красного на место умершего легитимистского депутата департамента Гар... Это революционизирование самого неподвижного класса ярче всего сказалось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., направлены были почти исключительно против *департаментов и крестьян*, что является самым убедительным доказательством их пробуждения².

Это пробуждение политического сознания бедных крестьян носило резко выраженный классовый характер. В кантоне Люнель (департамент Эро) в Марсильярге в начале ноября 1849 года вспыхнули крестьянские волнения. Генеральный прокурор в Монпелье сообщает в своем

¹ Письмо Г. Гольденберга, представителя Нижнего Рейна, министру юстиции от 12 июля 1849 года; Archives nationales, BB¹³ 1460.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 86—87.

отчете о существовании в этой деревне якобы благотворительного общества, помещение которого украшено следующей надписью: «*Настоящая собственность — это та, которая основана на труде*»¹. В том же департаменте Эро, в Сен-Дрезери (Saint-Drézéry), в октябре 1850 года появился анонимный плакат под названием «Совет монархистам», в котором разоблачали «гнилых буржуа, рабов денег»: «Буржуа, ростовщики, монархисты всех цветов, ваше царствование должно кончиться!»² В письме министру юстиции от 14 февраля 1850 года прокурор республики в Ниоре уведомлял о «серьезных фактах, имевших место вчера, в среду, в местечке Мозе, главном городе кантона, на который уже давно указывали как на *очаг коммунизма*»³. По случаю карнавала целая процессия под предводительством одного молодого крестьянина, который изображал скованную цепями богиню свободы, прошла по улицам села с пением «Песни виноградарей» Пьера Дюпона⁴.

Сопrotивление крестьян государственному перевороту

Эта политическая позиция бедных крестьян в отношении крупных собственников делает понятным и участие деревни в вооруженном сопротивлении государственному перевороту. И здесь крестьяне, в первый раз поднявшиеся во Франции в таких масштабах на защиту политического идеала, встретились с теми же противниками — крупными собственниками, главарями «партии порядка» и защитниками бонапартистского плана. Невозможно отделить друг от друга два аспекта этой вооруженной борьбы — политический и социальный. В своем труде о революции 1848 года Сеньобос пишет, что правительство старалось скрыть цель движения, чтобы выставить себя защитником общества.

¹ Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 534.

² Archives nationales, BB³⁰ 362, p. 630.

³ Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 226.

⁴ В письме министру юстиции от 9 апреля 1850 года министр внутренних дел заметил, что песни Пьера Дюпона «пользуются определенной популярностью, которая делает их очень опасными» (Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 256).

Политическое восстание против правительства, объявленного незаконным, оно превратило в социальный мятеж, во взрыв ненависти низших классов¹.

Мы считаем, что правительство Луи Наполеона Бонапарта действительно преследовало эти цели.

Не собираясь излагать здесь все перипетии крестьянского движения 1851 года, мы считаем нужным отметить лишь непрерывность этого движения начиная с 1848 года и указать, какие районы были охвачены вооруженным сопротивлением. Департамент Эро, где сельский пролетариат был многочисленным, являлся, как мы видели, одним из самых беспокойных в 1848 году. В октябре 1850 года вновь вспыхнули крестьянские волнения, что послужило одним из предлогов для организации процесса о заговоре на юго-востоке. Волнения имели место в октябре 1851 года также в Ньевре и Шере, где пришли в движение мелкие крестьяне и исполщики. Наконец, после государственного переворота снова поднялись крестьяне тех же районов. Районы севера и северо-запада, как и в 1848 году, оставались спокойными. Восстания охватили юго-восток, юго-запад и центр, то есть области мелкого земледельческого хозяйства и половничества, реакция которых в 1848 году также была наиболее острой, поскольку последствия агротехнического переворота, уже давно восторжествовавшего на севере, ударили по ним сильнее, чем по другим. Как и в 1848 году, крестьяне, восставшие в Ньевре, Алье и Эро, выступили против агентов фиска и крупных землевладельцев. Как и в 1848 году, были предприняты попытки разрушить изгороди на прежних общинных угодьях, отчужденных в пользу нескольких частных лиц, а также опустошить государственные леса.

Удивительна непрерывность движения крестьян, по-прежнему отстаивавших те же требования, в 1848 и 1851 годах, как и в 1789 и 1830 годах: традиционное крестьянство защищало старые коллективные права, обеспечивавшие его существование, и выступало против новых форм ведения сельского хозяйства. Несомненно, правительство преследовало пропагандистские цели, когда старалось изобразить эти крестьянские восстания как мятеж социалистов, и окрестило восставших анархистами и

¹ Seignobos, Histoire de France contemporaine, t. VI, p. 211.

социалистами. Нет никаких оснований оценивать подобным образом движение 1851 года. Но все же нельзя отрицать его ярко выраженный социальный характер и тот факт, что оно вновь обнаружило, употребляя выражение Сеньбоса, «ненависть низших классов» к имущим классам.

Паника в 1848 году

Существует, наконец, еще одна форма крестьянского движения, о которой нельзя умолчать и которая как бы завершает характеристику атмосферы, царившей в деревне в 1848 году, — это «страх».

Хотя страх 1848 года не имел такого значения, как «Великий страх» в июле 1789 года¹, однако он не менее характерен для психологии крестьянства. Хотя упоминания о нем довольно редки в переписке генеральных прокуроров, они тем не менее знаменательны. Нужно было бы провести широкое обследование, чтобы точно выяснить, какие именно районы были охвачены «паникой» в 1848 году и по какому руслу она пошла.

Об одном случае такой «паники» упоминается в письме генерального прокурора в Пуатье министру юстиции от 27 апреля 1848 года. 24 апреля в Массе (Massais) (округ Брессюир, департамент Дё-Севр) человек 20 крестьян вошли в кабак и потребовали, чтобы им дали вина бесплатно. Вспыхнула ссора.

Одна несчастная помешанная, присутствовавшая при этом споре, стала кричать со страху. Ее крики были услышаны в коммуне Кюрсэ (Cursay) (округ Лудён). Жители коммуны вообразили, что произошло убийство или покушение на собственность; ударили в набат. Соседние коммуны последовали этому примеру. Распространился слух, что шуаны вторглись в деревни и предают все огню и мечу. Вскоре весь округ Лудён пришел в волнение. Собрались национальные гвардейцы с оружием в руках. В Труа-Мутье были приостановлены выборы. Только к вечеру выяснилась настоящая причина паники и все опасения рассеялись².

Географические пределы распространения паники весьма показательны; департамент Дё-Севр — это область мелкого земледельческого хозяйства, мелкой собственности и использования, область, затронутая аграрным кризисом 1848 года, область, в которой февральские революционные потрясения нашли глубокий отзвук, а население оказало особенно упорное сопротивление налогу в 45 сантимов ввиду тяжелого положения крестьянства. Страх перед «шуанами» напоминает страх перед «разбойниками» в июле 1789 года. Как и последний, он объясняется как экономическими, так и политическими причинами. Экономические причины, о которых мы уже говорили, — это последствия аграрного кризиса, падение цен на пшеницу и вино, что сократило доходы крестьян как раз в тот момент, когда правительство значительно усилило фискальный гнет. В этой атмосфере недовольства страха перед «покушением на собственность», очевидно, оказалось достаточно, чтобы поднять крестьян. Политические причины: февральские дни и вызванная ими политическая лихорадка взбудоражили крестьян и сделали их особенно чувствительными. Департамент Дё-Севр был республиканским; он доказал это в 1849 и 1850 годах. Во время паники в Массе, «шуан», по-видимому, играл ту же роль, что и аристократический заговор во время «Великого страха» 1789 года. Таким образом, совокупности обстоятельств экономического и политического порядка было вполне достаточно, чтобы крестьяне, и без того недовольные и обеспокоенные, пришли в волнение и позволили панике, сначала чисто местной, распространиться на весь округ.

После июньских дней 1848 года последовали сходные в основном, хотя и несколько отличные в деталях, случаи паники. Они как будто были более многочисленными. Экономические причины были те же — бедственное положение крестьян. Генеральный прокурор в Пуатье в письме от 19 июля связывает это волнение с тем, которое было вызвано введением налога в 45 сантимов. Теперь страх вызывают уже не шуаны, а «парижские бунтовщики», «мятежники, бегущие из Парижа», или просто «рабочие»¹ — следствие пропаганды «партии порядка»

¹ См. G. Lefebvre, *La Grande Peur de 1789*, 1932.

² Archives nationales, BB³⁰ 364, p. 80.

¹ Archives nationales, BB¹⁸ 1462, BB³⁰ 359.

в деревне, направленной против рабочих, «красных» и «разделителей» («partageux»), и ее политической спекуляции на июньском восстании.

Как показывают некоторые обнаруженные документы, этим страхом, последовавшим за июньскими днями, были охвачены различные районы: Верхняя Нормандия, Коррез, Нижняя Шаранта, — хотя нет возможности установить какую-либо связь между этими разными случаями тревоги и выяснить источник паники.

Округ Иссель (департамент Коррез) был охвачен в последних числах июня «некоторым волнением». 27-го числа распространился слух о заговоре рабочих, имевшем якобы своей целью разграбление города. Немедленно наряженное судебное расследование не обнаружило ничего подобного, но по крайней мере «успокоило умы, серьезно встревоженные тем, что волнения столь легко распространялись»¹.

В июле «смутное общее волнение» охватило города и особенно деревни Нижней Шаранты:

Молва и весьма странные и зловещие слухи ходили в деревнях и местечках и принимались на веру с поразительной легкостью. Здесь говорят о бунтовщиках из Парижа, совершающих грабежи и поджоги в деревнях, там — о банде каторжников, бежавших из Рошфора; в другом месте — о заговорах дворян и священников. Крестьяне поднимаются повсюду. Днем и ночью на дорогах ходят вооруженные патрули, останавливая и опрашивая путников².

Нижняя Шаранта особенно сильно пострадала из-за плохого сбыта вина и водки, составлявших ее главные ресурсы, и сопротивление налогу в 45 сантимов было там особенно сильным и упорным. Поэтому для паники здесь была особенно благоприятная почва. В Берне (округ Сен-Жан д'Анжели) выдумка одного ребенка, рассказавшего, что на него напали злодеи, вызвала тревогу. Узнав об этом рассказе ребенка, мэр созвал национальных гвардейцев;

¹ Отчет генерального прокурора в Лиможе от 12 июля 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

² Письмо первого заместителя прокурора в Пуатье министру юстиции от 19 июля 1848 года; Archives nationales, BB¹⁸ 1462.

в десяти коммунах ударили в набат. Тотчас же поднялось население и принялось искать повсюду разбойников, посягающих на собственность, совершающих грабежи и поджоги. Поиски не привели ни к каким результатам. «Тогда это волнение было приписано дворянам и священникам». Подозрение пало на одного богатого легитимиста. Однако спокойствие вскоре было восстановлено, после того как ребенок сознался, что, напуганный ходившими слухами и оставшись один, он выдумал всю эту историю. Примечательно, что страх перед «бунтовщиками из Парижа» обратился против дворян и священников; точно так же страх перед разбойниками в июле 1789 года вылился в жакерию.

Верхняя Нормандия также пережила панику, которая распространилась от Орна до Кальвадоса. 4 июля вечером мэр Теншбрэ¹ предупредил прокурора республики в Донфроне, что банда в 400 разбойников бродит по коммунам округа Вир. Требовали срочного содействия национальной гвардии Теншбрэ, Донфрона и Флера. Были приняты меры, чтобы ускорить ее отправку. Но вскоре оказалось, что «страх вызван невероятной паникой». Продажа в коммуне Бюрси зерна привлекла большое количество крестьян.

Эта толпа, замеченная и услышанная издали, была принята за сборище бежавших из Парижа бунтовщиков, и страх быстро охватил все соседние коммуны. В скором времени слухи так разрослись, что каждая деревня считала, что ей угрожает грабеж и поджог².

К вечеру 4 июля страх, возникший в округе Вир, охватил и район Кан, который узнал о панике благодаря курьерам,

сообщившим, якобы 3 тысячи восставших парижан собрались в лесах, расположенных на юге округа Кан и на северо-востоке округа Вир, и угрожают опустошить, сжечь и разграбить окрестные коммуны.

¹ Кантон Васси (Vassy), округ Вир, департамент Кальвадос.

² Письмо прокурора республики в Донфроне министру юстиции от 5 июля 1848 года; Archives nationales, BB³⁰ 359, p. 535.

Немедленно ударили в набат, войска гарнизона и национальная гвардия Кана были подняты на ноги и отправились в путь.

Через 8 часов более 30 тысяч вооруженных людей было отправлено из округов Кан, Байё, Сен-Ло, Вир, Мортен, Донфрон и Фалез на место предполагаемого сосредоточения восставших.

Но скоро выяснилась вся беспочвенность этой тревоги.

Возникновение паники, о которой идет речь, — отмечает генеральный прокурор в Кане в своем отчете министру, — не связано ни со злым умыслом, ни с политической. Хотя эти две причины и способствовали ее росту, их действие было чисто случайным. Она явилась естественным результатом определенного состояния умов и беспокойства, которое породили у населения наших мест последние события в Париже. Самое незначительное событие должно было неизбежно привести к взрыву¹.

Случаи паники в 1848 году, хотя и носили чисто местный характер, все же не менее показательны для традиционной психологии крестьянства. Экономический кризис и политическая неопределенность породили атмосферу недовольства и тревоги. Привязанность мелкого крестьянства к своей собственности и смутное чувство, что на нее посягают, вызывали при малейшем инциденте защитную реакцию, которая, будучи вначале направлена против «парижских бунтовщиков», то есть против «разделителей» («partageux»), могла быстро обернуться, как это случилось в Берне, против дворян и священников, еще совсем недавно представлявших гораздо более ощутимую опасность для крестьянской собственности. Еще в 1789 году нормандский Бокаж был ареной крестьянского восстания, предшествовавшего июльскому «Великому страху». Районы Брессюир, Иссель и Сен-Жан д'Анжели также пережили различные «страхи»². Шестьдесят лет спустя крестьяне

реагировали почти таким же образом. Несмотря на социальные и политические потрясения, несмотря на экономическое переустройство всей страны, психология традиционного мелкого крестьянства мало изменилась.

Противоречивое положение мелкого крестьянства в 1848 году

Хотя выступления мелкого крестьянства в 1848 году и в последующие годы и были различными, в общем они все же являлись как бы проявлением классового инстинкта, пробуждающего политическое самосознание крестьянства. Присоединение крупных землевладельцев и сельской буржуазии к «партии порядка» и поддержка ими реакционных мероприятий, а затем диктатуры Луи Наполеона Бонапарта не могли не просветить бедных крестьян, одно время сбитых с толку классово-корыстной пропагандой имущих, изображавших рабочих врагами крестьян, и воспоминаниями о наполеоновской эпохе, искаженной и приукрашенной легендой. Этим объясняется тот факт, что с 1849 по 1851 год крестьяне областей мелкого земледельческого хозяйства стали оказывать все более открытое сопротивление буржуазной республике, а затем и ее естественному преемнику — диктаторскому режиму Луи Бонапарта; при этом они выступали бок о бок с мелкими буржуа, средними слоями, а также с пролетариатом, этой коалицией различных интересов, которая образовала то, что Карл Маркс назвал «Партией красной республики»¹.

Но если в политическом отношении это мелкое крестьянство представляло отныне силу, с которой надо было считаться, то экономически оно было тем не менее осуждено вместе со всей системой традиционного земледелия, основанного на правах пользования; и в течение второй половины XIX века, несмотря на упорное сопротивление, оно должно было исчезнуть вместе со всей системой. Сопротивление и политическая позиция мелких крестьян в какой-то степени сходны, учитывая различие условий и времени, с сопротивлением и политической позицией

¹ Archives nationales, BB³⁰ 359, p. 536.

² См. G. Lefebvre, La Grande Peur de 1789, p. 120, 201, 224, 230.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 89.

ремесленников и лавочников, которые были в II году Республики ядром партии санкюлотов и которые явили уже собой пример противоречия между прогрессивной политической и отсталой экономической позицией.

Драматическое противоречие, которое сообщало особый смысл борьбе традиционного мелкого крестьянства и, придавая ей ее величие, в то же время определенным образом ограничивало ее. Противоречие весьма поучительное, над которым следует сегодня поразмыслить.

ПРИМЕР АГРАРНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ В ОБЛАСТИ КРУПНОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Пуизё — Понтуаэ (Puisseux — Pontoise)
(департамент Сена и Уаза)
и собственность семьи Томассен

Пуизё, расположенный в 6 километрах северо-западнее Понтуаэ, на национальной дороге из Парижа в Гавр, — это первая коммуна, которую встречаешь после Понтуаэ на известном плоскогорье французского Вексена. Это плоскогорье — область крупного земледельческого хозяйства — существенно отличается от соседних долин, где господствует мелкое хозяйство.

Район Пуизё составляет часть обширного сельского ландшафта от Артуа до Бос, с его открытыми полями и древней общинной практикой принудительного севооборота и обязательного выпаса (*vaine rature*). Следствием такого порядка обработки земли было объединение группы жилищ в густонаселенные села и подчинение жителей коллективной дисциплине. Объединение жилищ в села привело к дроблению хозяйств на отдельные парцеллы, разбросанные по всей территории коммуны.

Эти исконные черты аграрных распорядков районов открытых полей мало изменились в Пуизё с XVIII века, несмотря на основательную перестройку его экономической и социальной структуры. Если ландшафт остался таким же, как и раньше, если территория коммуны все еще представляет собой открытые, вытянутые в длину поля, если село все так же жметя к своей старой церкви XII века, то трехпольный севооборот, с оставлением части полей под паром, сменился интенсивной, механизированной обработкой земли и старинная вражда между пахарями

(laboueurs), то есть крупными фермерами, и батраками (manouvriers) закончилась полной победой первых, а в данном конкретном случае — династии собирателей земель, семьи Томассен, которая в течение менее двух веков прибрала к своим рукам все земли коммуны.

С одной стороны, сохранение все тех же характерных черт сельского ландшафта, с другой — медленный распад мелкой крестьянской собственности и создание на ее развалинах огромного хозяйства, сосредоточенного в руках одной семьи. Таким образом, традиционная деревня XVIII века в XX веке превратилась в деревню-завод.

I. Эволюция сельского ландшафта (1777—1940)

Первым документом, дающим возможность установить характерные черты сельского ландшафта Пюизё, является план, составленный интендантством в 1777 году¹.

Он дает следующее распределение сельскохозяйственных угодий²:

Пахотные земли (453 га 75 ар 69)	888 арпанов	50 першей
Леса и лесная поросль (66 га 69 ар 74)	130 »	61 перш
Земли, занятые под фруктовые деревья	20 »	20 першей
Строения, дворы, сады, парк сеньёра . . .	32 арпана	69 »
Дорога, новая дорога	19 арпанов	50 »

Таким образом, пахотные земли намного превышают все остальные виды угодий, составляя 82,9 процента общей площади, в то время как леса занимают только 12,2 процента.

План интендантства уточняет эти данные. Территория Пюизё предстает как пейзаж с открытыми полями, лишь на горизонте виднеются линии деревьев, окаймляющих дороги.

Леса расположены по краям территории, на границах с приходами Курдиманш (Courdimanche) и Сержи (Cergy).

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise. С 105. К этому плану приложен протокол межевания (С 106).

² В 1777 году мерой земли был королевский арпан, равный 100 квадратным першам. Перш в свою очередь составлял 22 фута. Этот арпан был равен 51 ар 7 центинарам.

Эти леса, без сомнения, являются остатками первоначального леса, постепенно сокращавшегося в результате распада и все более отселявшегося по мере расширения площади обрабатываемых земель. Деревня расположена в центре территории; исключение составляет ферма «la Seaules», владение аббатства Сен-Мартен в Понтуазе. Поля, форма которых в плане не указана, ибо парцеллы там не отмечены; были сгруппированы в трех «cantons» или «coutures», а именно: cantons du Chant Tibout, du Gratin Leu, couture du chemin de Boissy, через которое проходят расходящиеся во все стороны дороги деревни. Это традиционные черты территорий северо-востока Франции с их скоплением жилищ, открытыми длинными полями, сгруппированными в cantons, quartiers или soles*, подчиненные общинному распорядку — трехпольному севообороту и обязательному выпасу.

С XVIII века сельскохозяйственный ландшафт Пюизё мало изменился. Площадь пахотной земли, можно сказать, почти не изменилась, согласно сводным таблицам кадастровых реестров за 1822, 1914 и 1940 годы. Площадь пахотной земли составляла в 1777 году 82,9 процента, в 1822 году — 83,2, а в 1940 году — 86,1 процента, следовательно рост был небольшой. Самое большое расширение площади пахотной земли отмечается в 1914 году, когда она достигла 91,7 процента общей кадастровой площади. Некоторое снижение за время с 1914 по 1940 год было вызвано появлением в числе угодий 14 га лугов, составлявших 2,6 процента общей площади. Площадь лесов с начала XIX века сократилась приблизительно наполовину, а именно с 13,2 процента в 1822 году до 6,4 процента в 1940 году. Сады занимали примерно ту же площадь, что

* Coutures, soles — сельскохозяйственные термины, бытовавшие во французской деревне того времени. При господстве принудительного трехпольного севооборота пахотные земли деревни разделялись на три поля, на каждом из которых последовательно сменялись озимые, яровые, пар. Эти поля и назывались coutures, soles (были и другие термины). Quartiers, cantons — определенные, фиксированные традицией части пахотных земель деревни, состоявшие из группы вытянутых в длину парцелл, борозды которых обязательно были направлены в одну и ту же сторону. Часто картье совпадали с полями севооборота (то есть coutures и soles), в других случаях каждое такое поле состояло из нескольких картье (см. подробнее М. Блок, Характерные черты французской аграрной истории, М., 1957, гл. II, § 2, 3). — Прим. ред.

и раньше: 0,9 процента в 1822 году и 1,10 процента в 1940 году.

Однако нельзя составить тебе точное представление об эволюции сельскохозяйственного пейзажа Пюизё, ограничиваясь только рассмотрением цифровых данных кадастровых реестров. Так мы могли бы впасть в ошибку. При чтении сводных таблиц мы не можем установить один важный элемент — наличие паровых полей, занимавших, согласно распоряжкам традиционной сельскохозяйственной экономики, один из трех cantons территории и исчезнувших в середине XIX века в связи с успехами агротехнического переворота (*révolution agricole*) и введением культуры свеклы в цикл трехпольного севооборота (в 1856 году Томассен построил винокуренный завод для переработки свеклы).

Межевые планы 1813 и 1940 годов уточняют некоторые черты сельскохозяйственного пейзажа, не отмеченные в интендантском плане 1777 года. Деления кадастра 1940 года, так же как и 1913 года, более или менее совпадают с прежними cantons и coutures. Canton du Gratin Leu плана 1777 года стал сектором С, canton du Chant Tibout — сектором D. Бывший couture du chemin de Boissy был разделен на два сектора А и В. Таким образом, сквозь современные парцеллярные планы проглядывает традиционная аграрная структура.

План 1813 года, который может служить свидетельством аграрной структуры конца XVIII века, представляет собой план территории с открытыми длинными полями; налицо уже известная концентрация; некоторые поля более обширны, чем другие. Если сравнить этот план с планом 1940 года, например для «поименованных мест» («*lieu dit*») (*les Fortières, le Raguenet*) сектора В, то мы можем обнаружить те же характерные черты: тот же распорядок открытых длинных полей, но парцеллы менее многочисленны и более обширны, перегруппировка парцелл усилилась. Например, в «поименованном месте» *les Fortières* теперешняя парцелла № 3 образовалась из прежних парцелл № 4, 5, 6 и 7. Следует еще отметить, что многие из этих парцелл являются фиктивными. Механическая обработка полей, применение тракторов способствовали исчезновению многих из них.

Эволюция сельского пейзажа, если при этом наблюдается некоторое постоянство в распределении сельско-

хозяйственных угодий, в частности преобладание пахоты, характеризуется явной тенденцией к перегруппировке парцелл в более крупные единицы. Эта концентрация парцелл, не является ли она отражением концентрации собственности? Это можно будет выяснить в процессе изучения эволюции земельной собственности со времени старого порядка и до наших дней.

II. Эволюция земельной собственности (XVIII век — 1940 год)

А. Земельная собственность и сельское хозяйство в XVIII веке

Нет никакого документа, который мог бы послужить основой для изучения распределения земельной собственности в Пюизё при старом порядке. Однако целый ряд податных списков тальи (*rôles des tailles*) с 1685 по 1789 год¹ дает нам представление об условиях ведения сельского хозяйства в XVIII веке, хотя эти документы и не представляют одинаковой ценности.

С 1685 по 1765 год в этих списках указывались только фамилии налогоплательщиков и размеры тальи, а затем стали указывать и размеры подушного обложения (*capitation*).

В 1685 году в Пюизё было 40 плательщиков тальи и три привилегированных, освобожденных от всех налогов (два представителя духовенства и сеньёр Пюизё); в 1766 году было 40 плательщиков тальи, в том числе три «чужака» (*horsains*)*, жителей соседних приходов; в 1789 году — 91 плательщик тальи, в том числе 45 «чужаков». Это увеличение числа налогоплательщиков в Пюизё свидетельствует лишь об одном — об усилении налогового бремени во второй половине XVIII века, но это ни в коей мере не дает нам возможности разрешить проблему распределения земельной собственности и ее эволюции с конца XVII века.

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, С. 231.

* «Horsains» — на нормандском наречии означает людей «чуждых» для данной местности. — Прим. перев.

Некоторые списки позволяют, однако, установить социальный облик плательщиков талли. Так, в 1685 году в приходе было 4 крупных фермера, которые платили налог, превышающий 100 ливров, 11 батраков (*manouvriers*), 3 возчика* («*chartiers*»), 1 поденщик (*journalier*), 1 пастух, 1 ткач. Это социальное разделение, несомненно, отражает структуру сельского хозяйства Пюизё в конце XVII века. Оно свидетельствует о том, что несколько крупных фермеров поделили между собой большую часть пахотной земли, в то время как мелкое крестьянство принуждено было довольствоваться небольшой площадью, а настоящий сельскохозяйственный пролетариат должен был жить в полной зависимости от крупных хозяйств. В 1685 году одни только упомянутые 4 фермера платили 53,1 процента общей суммы талли, возложенной на приход.

Начиная с 1766 года в податных списках стали указываться размеры земельной площади, обрабатываемой каждым из плательщиков, будь то на правах собственности или на правах аренды. Эти ценные данные позволяют установить если не распределение собственности (поскольку привилегированные собственники — дворяне и духовенство — не платили талли), то по крайней мере распределение обрабатываемой земли между пользователями и проследить ее эволюцию до 1789 года.

В 1766 году вся обрабатываемая земля была распределена между 36 хозяевами (*exploitants*), в том числе 4 «чужаками». По размерам площади эти хозяйства распределялись следующим образом: 19 хозяйств, имевших площадь менее 1 га, занимали 0,7 процента всей обрабатываемой земли, 9 хозяйств с площадью от 1 до 5 га, или 4 процента общей площади, 4 средних хозяйства с площадью от 5 до 20 га, или 8,4 процента общей площади. Хозяйства с площадью более 20 га принадлежали только 4 хозяевам, но в их руках было сосредоточено 86 процентов всей обрабатываемой земли. Таким образом, многочисленные мелкие и средние хозяйства играли незначительную экономическую роль по сравнению с крупными хозяйствами.

Что касается порядка обработки земли, то для мелких хозяйств была характерна обработка земли самими соб-

* На нормандском наречии «*chartier*» соответствует французскому «*charretier*» — возчик. — *Прим. перев.*

ственными, а для крупных — аренда. Кроме того, имелось три хозяйства смешанного типа. Четыре наиболее крупных хозяйства — это хозяйства арендаторов, обработывавших 86 процентов всей земельной площади прихода. Из этих арендаторов самый крупный обрабатывал 185 га (речь идет о фермере, арендовавшем сеньориальную ферму); два других обрабатывали каждый по 93 га и четвертый — 30 га. Если аренда господствует в крупных хозяйствах, то в мелких хозяйствах преобладает в основном непосредственная обработка земли самими собственниками. Среди 19 хозяев, земельная площадь которых составляла менее 1 га, было 12 собственников (или 73 процента общей площади, принадлежащей хозяйствам этого рода) и 7 арендаторов (27 процентов); среди 8 хозяев, размеры участков которых составляли от 1 до 5 га, — 5 собственников (47,7 процента), 3 арендатора (39,5 процента), и одно хозяйство смешанного типа (12,7 процента), и, наконец, из двух хозяев, имевших от 10 до 20 га, один собственник, владеющий 56,5 процента общей площади, принадлежащей на этого рода хозяйства, и 1 арендатор (43,5 процента).

В общем до 90,7 процента всей земельной площади обрабатывалось арендаторами, 5,8 процента — непосредственно самими собственниками и 3,5 процента составляли хозяйства смешанного типа.

Таким образом, преобладание крупного арендаторского хозяйства при минимальном значении мелкой земельной собственности и непосредственной обработки земли самими собственниками — таковы основные черты сельского хозяйства Пюизё в XVIII веке. Они роднят Пюизё с областями крупного земледельческого хозяйства севера Франции.

Изменились ли эти черты в течение второй половины XVIII века? Изменилось ли сельское хозяйство за время с 1766 по 1789 год? Два документа дают нам возможность ответить на эти вопросы. Это, во-первых, документ о состоянии прихода в 1783 году и, во-вторых, податной список 1789 года.

Документ о состоянии прихода в 1783 году¹ дает нам наряду со сведениями фискального порядка ценные указания об экономическом положении Пюизё, и в частности о порядке землепользования. Что касается землепользования,

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, C. 167.

то документ различает четыре категории: дворян и лиц, освобожденных от уплаты тальи, «жителей», арендаторов, пользующихся землей на правах арендного договора («*en corps de ferme*»), и, наконец, «чужаков».

Статистические сведения, касающиеся порядка ведения сельского хозяйства в 1783 году, несколько отличаются от данных 1766 года. Следует заметить, что статистические сведения старого порядка отличаются вообще недостаточной точностью. Они часто бывают лишь приблизительными и дают только ориентировочные данные, а не надежные сведения. К тому же документ о состоянии прихода в 1783 году включал в число хозяйств земли, принадлежавшие дворянам и лицам, освобожденным от уплаты налогов, о которых в податном списке на 1766 год не упоминалось. С этой оговоркой можно утверждать, что распределение земель оставалось в 1783 году приблизительно таким же, как и в 1766 году.

Фермеры, ведущие хозяйство на правах арендного договора, использовали около 76,2 процента всей обрабатываемой земли и платили 80,5 процента всей суммы тальи, возложенной на приход. Следовательно, обрабатываемая ими площадь несколько уменьшилась по сравнению с 1766 годом. Талья же, выплачиваемая крупными арендаторами, повысилась после 1685 года с 53,1 до 68,3 процента в 1766 году и до 80,5 процента в 1783 году. Однако нельзя на основе этого факта определенно утверждать, что площадь земли, обрабатываемая крупными арендаторами, увеличилась. В действительности необходимо принять во внимание, с одной стороны, усиление налогового бремени с XVII века, а с другой стороны, успехи в технике обработки земли и увеличение доходности сельского хозяйства.

Остальная земля находилась в руках мелких хозяев. Жители прихода возделывали 9 процентов всей обрабатываемой земли, из которых 5 процентов — на правах аренды и 4 процента — на правах собственности, и платили 8,9 процента возложенной на приход тальи. «Чужаки» обрабатывали 9,3 процента общей площади земли, из которых 7,9 процента — на правах аренды, и платили 10,3 процента общего налога. Наконец, хозяйства дворян и лиц, освобожденных от налогов, составляли 5,1 процента общей земельной площади.

Таким образом, в 1783 году, как и в 1766 году, крупные хозяйства арендаторов имели преобладающее значе-

ние по сравнению с мелкими хозяйствами, где земля обрабатывалась непосредственно собственниками, и мелкой собственностью. К сожалению, документ не дает возможности установить число этих мелких хозяев и точный размер обрабатываемой ими земельной площади. Тем не менее можно предположить, что начиная с 1766 года земельная площадь крупных хозяйств несколько уменьшилась. Мелкие хозяйства, несомненно, воспользовались этим небольшим отступлением.

Накануне революции, согласно податному списку 1789 года¹, распределение налогоплательщиков в социальном отношении было следующим: 4 крупных арендатора, 42 «обычных плательщика» («*taillables ordinaires*»), 45 «чужаков», 4 привилегированных собственника, освобожденных от налогов, а именно маркиз де Жирарден — сеньёр данной местности, аббат аббатства Сен-Мартен в Понтуазе, кюре, монахини ордена *Charité*.

Самым значительным явлением было увеличение числа «чужаков» с 3 в 1766 году до 46 в 1789 году. Среди местных налогоплательщиков было значительное число ремесленников, а именно 5 ткачей, 1 портной, 2 каменщика. Отсутствие каких-либо точных данных не дает возможности составить себе ясное представление о социальном положении собственно крестьян.

Цифровые данные податного списка 1789 года, более сравнимые с цифровыми данными податного списка 1766 года, чем со сведениями, содержащимися в документе о состоянии прихода в 1783 году, помогают уточнить смысл изменений, происшедших в сельском хозяйстве в конце старого порядка.

С 1766 по 1780 год число хозяев значительно увеличилось: с 36 до 80, из которых 34 местных жителя обрабатывали 87,8 процента всей возделываемой площади, а 12,2 процента земельной площади приходилось на хозяйство «чужаков». Хозяйства этих последних, за исключением двух, были менее 5 га. Основная часть земли этих хозяйств находилась в соседних приходах. Жители прихода Пюизё также владели полями в других приходах.

При рассмотрении различных типов хозяйств Пюизё мы можем констатировать, что черты, характерные для 1766 года, изменились следующим образом: мелкое

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, С. 231.

хозяйство укрепились, в то время как площадь, занятая крупными хозяйствами, несколько сократилась. Если хозяйств площадью менее 1 га в 1766 году было 19, то в 1789 году их стало 22, а вместе с «чужаками» — 54, что составляло 3 процента всей обрабатываемой земли против 0,7 процента в 1766 году. Хозяйства с площадью от 1 до 5 га, составлявшие в 1766 году 4 процента всей обрабатываемой площади, в 1789 году занимали уже 10 процентов, а хозяйства от 10 до 20 га, составлявшие 5,4 процента, достигли 9,5 процента.

В то время как мелкое и среднее хозяйства делали успехи, площадь крупного хозяйства сокращалась. Хозяйства площадью более 20 га, занимавшие ранее 86,3 процента всей обрабатываемой земли, составляли теперь 76,5 процента. Здесь мы видим одну из существенных черт французской аграрной истории конца старого порядка — земельный голод мелкого крестьянства и стремление его к приобретению собственности. (Заметим, что из 22 хозяев, обрабатывавших участки менее 1 га в самом Пюизё, 14 были собственниками, 5 были одновременно собственниками и арендаторами и 3 были только арендаторами.)

Как и в 1766 году, непосредственная обработка земли самими собственниками преобладала в мелких хозяйствах, а в крупных — аренда. Хозяйства смешанного типа стали более многочисленными: 11 вместо 3. Мелкие арендаторы (менее 5 га), которых в 1789 году было только 5, в то время как в 1766 году их было 10, становились постепенно собственниками.

Все еще насчитывалось 4 крупных фермера, обрабатывавших 76,5 процента всей площади. Но они также покупали земли, поскольку 3 из этих 4 хозяйств становятся хозяйствами смешанного типа. Таким образом, движение, толкавшее арендаторов на покупку обрабатываемой ими земли, становилось всеобщим. Заметим, однако, что в этих крупных хозяйствах процент земель, принадлежавших хозяевам на правах собственности, был незначителен по отношению к арендуемой земле. Самым крупным хозяйством прихода все еще остается сеньериальная ферма, площадь которой составляет около 185 га (43,5 процента всей территории прихода).

В общем арендаторы обрабатывали 31,3 процента всей земли прихода (из которых 8,9 процента обрабаты-

вали «чужаки»), собственники же — лишь 3,9 процента (из них 2,7 процента принадлежало «чужакам»). Но эти цифры дают лишь искаженное представление о действительном положении вещей, скрывая преобладание аренды над непосредственной обработкой земли самими собственниками. Это преобладание в процентном отношении проявляется особенно ярко в хозяйствах смешанного типа, то есть в хозяйствах арендаторов-собственников, обрабатывавших 64,3 процента всей обрабатываемой земли. Ибо в этих хозяйствах площадь арендуемой земли намного превышает площадь земли, обрабатываемой на правах собственности. В 1789 году семья Томассен владела на правах собственности едва 2,5 процента земли своего хозяйства.

Из этих различных данных, следовательно, явствует, что в 1789 году сельское хозяйство сохранило в общем те же черты, которые были для него характерны в 1766 году: преобладание крупных арендаторов над мелкими крестьянами-собственниками. Однако некоторые данные свидетельствуют о медленной эволюции: крупные арендаторские хозяйства отступали перед мелкими хозяйствами, крестьянин становился собственником. Это движение, едва заметное еще, не было ли оно ускорено революцией?

Б. Продажа национальных имуществ во время революции

Чтобы составить себе точное представление о значении революции в аграрной эволюции Пюизё, нужно располагать документом, позволяющим выяснить распределение земельной собственности накануне 1789 года. Податные списки тальи дают лишь отрывочные сведения, позволяющие, однако, почувствовать значительность размеров привилегированной, то есть дворянской и церковной, собственности. Две самые крупные фермы относятся именно к этой категории. Это ферма маркиза де Жирардена, местного сеньера, включающая 185 га пахотной земли, и ферма «la Seaulx» (55 га), входящая во владения аббатства Сен-Мартен в Понтуазе. Различные церковные организации также владели более или менее крупными участками земли на территории Пюизё. Это орден урсулинок,

монахи матюрены из Понтуаза и бенедиктинцы Сен-Мартен-де-Шан (в Париже). Отметим также владения, принадлежавшие церковному приходу Пюизё и церковным советам (fabriques) Нотр-Дам, Сен-Пьер в Понтуазе, Менюкур и часовне Сент-Аполлин дю Азе. Нет возможности установить размер земельной площади этих церковных владений. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что привилегированная собственность дворянства и духовенства занимала в 1789 году большую часть территории Пюизё. Собственность крестьян — как мелких земледельцев, так и крупных фермеров — незначительна.

Земля не принадлежала тем, кто ее обрабатывал. Однако непреодолимое движение толкало крестьян к приобретению земель. Первые симптомы этого явления были отмечены в 1766 и 1789 годах. Дала ли крестьянству продажа национальных имуществ возможность удовлетворить его самое заветное желание¹?

Национальные имущества Понтуазской коммуны обязаны своим происхождением исключительно церковным владениям. Маркиз де Жирарден не эмигрировал и поэтому сохранил свои земли. Национальные имущества церковного происхождения были проданы различным образом. Часть была продана с торгов в главном городе департамента. Такой порядок продажи был крайне неблагоприятен для мелкого крестьянства. Трудно точно установить размеры собственности, перешедшей в другие руки таким путем, так как некоторые проданные участки охватывали земли, расположенные в разных коммунах, и нет возможности установить, какая часть проданной земли приходилась на каждую из них. Можно лишь предполагать, что переход собственности в другие руки был значительным.

Из национального имущества, расположенного на территории Пюизё, было продано 6 участков разных размеров общей площадью 68 га, то есть 12,3 процента общей пло-

щади коммуны; а также 5 участков площадью 102 га, охватывавших земли, расположенные в разных коммунах. Наиболее крупной продажей в пределах территории Пюизё была продажа фермы «la Seaule», принадлежавшей аббатуству Сен-Мартен в Понтуазе (55 га) и приобретенной в 1791 году Томассеном (бывшим в то время уже арендатором фермы маркиза де Жирардена) за 65 900 ливров. В 1792 году тот же Томассен купил земли церковного прихода Пюизё (5 га) и земли матюренов из Понтуаза (2 га) соответственно за 11 тысяч и за 2500 ливров. Остальные участки были менее значительны: один из них площадью 19 ар был куплен Томассеном за 3100 ливров в III году Республики, другой был продан в V году и вместе с 2 га леса был куплен в том же году бывшим маркизом Жирарденом за 65 тысяч франков. Наконец, бывший дом священника со службами (dépendances) был продан в VIII году Республики за 75 тысяч франков.

Крупные участки были образованы из земель, принадлежавших прежним церковным организациям и расположенных на территории разных коммун: 82 участка общей площадью 55 га, принадлежавших ордену урсулинок Понтуаза и проданных в 1791 году за 63 тысячи ливров; 6 участков площадью 15 га, принадлежавших часовне Сент-Аполлин дю Азе были проданы за 22 500 ливров; 6 участков площадью 10 га, принадлежавших церковному совету Нотр-Дам в Понтуазе, были проданы в 1793 году за 22 300 ливров; 34 участка площадью 11 га, принадлежавших церковному совету Пюизё, — за 43 200 ливров и, наконец, несколько участков, принадлежавших бенедиктинцам Сен-Мартен-де-Шан в Париже.

Чтобы измерить точное значение этого перехода собственности, необходимо рассмотреть социальное положение приобретателей национальных имуществ. Следует отметить, что в данном случае одна социальная категория преобладала над другими — это пахари, крупные фермеры Пюизё и его окрестностей. Самым крупным покупателем был Томассен, арендатор сеньеральной фермы, который за пять лет скупил 74 га на территории Пюизё и соседних коммун. Отметим также в числе крупных фермеров Пюизё Дюпре, купившего 11 га. Многие пахари соседних коммун также покупали земли: один участок в 9 га был куплен сообща пахарем из Буаси (Boissy) и несколькими жителями Понтуаза. Один буржуа из Понтуаза купил

¹ О продаже национальных имуществ см. в Archives départementales de Seine-et-Oise (série Q):

Tableau des ventes des domaines nationaux effectuées en exécution des lois antérieures à celle du 28 ventôse an IV, district de Pontoise. Etat général des actes de ventes faites en exécution de la loi du 28 ventôse an IV.

Vente des domaines nationaux faite à l'administration centrale et à la préfecture par la voie d'adjudication à dater du 23 pluviôse an V.

участок в 55 га, один торговец яйцами из Пюизё купил целое картье. Бывший маркиз Жирарден также не упустил возможность округлить свои владения, купив участок в 15 га совместно с пахарем из Курдиманша, затем он приобрел участок в 7 га и 2 га леса. В этом списке не значится ни один из тех мелких собственников, о существовании которых упоминается в податных списках старого порядка.

Таким образом, продажа национальных имуществ пошла на пользу только крупным фермерам и буржуа. Произошел переход собственности из рук церковных организаций к крупным фермерам и буржуазии. Крупное хозяйство вышло из революции еще более сильным, чем оно было в 1789 году. Мелкие крестьяне, сумевшие приобрести к концу XVIII века несколько клочков земли и жаждавшие их округлить, не смогли осуществить своего желания. Их лишили возможности воспользоваться выгодами, связанными с продажей национальных имуществ, либо потому, что условия продажи были для них неблагоприятны, либо потому, что они не располагали необходимыми для этого средствами. Революция не разрешила аграрного вопроса, как она могла бы это сделать, облегчив мелким земледельцам возможность приобретения национальных имуществ или раздробив крупные участки на мелкие. Сен-Жюст, уроженец района крупного земледельческого хозяйства, сходного с тем, который нас теперь занимает, отметил в своей записной книжке в 1793 году: «раздел крупных ферм» (аграрная программа, соответствовавшая социальным идеям робеспьеристов, которая утолила бы земельный голод мелкого крестьянства). Эта программа не была осуществлена. В области крупного земледельческого хозяйства революция облегчила процесс концентрации земельной собственности, который еще более усилился в течение XIX века.

В. Земельная собственность с начала XIX века

Чтобы изучить вопрос о распределении земельной собственности с начала XIX века, нужно обратиться главным образом к кадастровым реестрам 1822, 1914 и 1940 годов. Детальный анализ этих документов позволяет нам проследить рост концентрации собственности со времени революции, еще более усилившийся в XX веке.

В 1822 году территория Пюизё была поделена между 212 собственниками. Но в то время как множество мелких крестьян владели незначительной земельной площадью, несколько крупных собственников обрабатывали большую часть земли. 163 собственника владели клочками земли менее 1 га, которые составляли в общей сложности 39 га, или 7,2 процента кадастровой площади; 3 собственника имели в своем распоряжении 214 га (площадь этих хозяйств достигала от 50 до 100 га), или 40 процентов общей площади. Между этими крайними полюсами имелось еще 28 хозяйств площадью от 1 до 5 га, или 12,8 процента общей площади; 12 хозяйств размером от 5 до 10 га, или 13,2 процента; 5 хозяйств площадью от 10 до 20 га, или 6,8 процента; и, наконец, 3 хозяйства размером от 20 до 50 га, или 20 процентов. Таким образом, крупная собственность играла главенствующую роль.

Мы лишены возможности сравнить аграрную структуру Пюизё 1822 года с его аграрной структурой накануне революции ввиду отсутствия документов по этому последнему периоду. Однако, по-видимому, число мелких собственников значительно возросло с конца старого порядка. Это явилось, несомненно, результатом не столько распродажи национальных имуществ, поскольку она пошла на пользу главным образом крупным фермерам, сколько результатом законов революции, регулировавших наследственное право. Кадастровые реестры не дают в то же время возможности определить состояние сельского хозяйства, измерить его успехи или упадок. Самый крупный земельный собственник Томассен закончил организацию своего огромного имения покупкой значительной части земли бывшей сеньериальной фермы после смерти маркизы де Жирарден в 1818 году. Но в 1822 году его хозяйство было разделено между его двумя сыновьями, из которых один получил 51 га, а другой — 98 га¹.

Если вычислить среднюю площадь для разных видов собственности, то эта средняя составит для мелких владений с площадью менее 1 га приблизительно 24 ар, а для крупных собственников, владеющих от 40 до 100 га, — 71 га. Если говорить о процентном выражении доли дохода каждого вида собственности в общем доходе

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, monographies communales, XXII.

коммуны, то для площади мелких собственников оно будет несколько выше (по сравнению с занимаемой ими площадью), а для крупных землевладений немного ниже. В то время как владения с площадью менее 1 га составляют 7,2 процента общей площади и приносят 8,2 процента дохода, владения размером более 50 га приносят 35,2 процента дохода, хотя они имеют в своем распоряжении 40 процентов общей площади. Следует ли из этого факта делать вывод, что мелкие собственники более тщательно обрабатывали свои земли, чем крупные?

Поименный список кадастрового реестра дает лишь некоторые указания, уточняющие вопрос социального распределения собственности. Из общего числа собственников 147 были жителями соседних коммун, причем одни из Понтуаза, а другие (их было незначительное число) из Парижа. Но эти собственники владели в большинстве случаев лишь незначительными участками, являющимися простым дополнением к их основным владениям, расположенным в соседних коммунах. Основная часть территории Пюизё находилась в руках местных жителей. Среди последних было несколько ремесленников, ткачей, каменщиков, несколько поденщиков, возчиков и пастухов, работающих на крупных фермах, но получающих дополнительные доходы от обработки клочков земли. Эти сведения, однако, слишком разрознены, чтобы можно было, руководствуясь ими, точно установить, какая часть приходилась на каждую социальную группу.

Преобладание крупной собственности, с одной стороны, и большое число мелких собственников, правда экономически слабых, — с другой, таковы основные черты распределения собственности в Пюизё в 1822 году. Перевес первых и слабость вторых должны были усилиться в течение XIX века.

К 1914 году число собственников сократилось с 212 до 170 человек. Мелких собственников, владевших участками менее 1 га, было 121 человек, им принадлежало только 4,2 процента общей кадастровой земельной площади (а доля дохода — 4,8 процента). Их значение уменьшилось почти вдвое. С другой стороны, число собственников, владевших от 1 до 5 га, несколько увеличилось — с 28 до 35, а принадлежавшая им площадь — с 12,8 до 15,1 процента. Средняя собственность переживала явный упадок. Так, общая площадь владений размером от 5 до 10 га

сократилась с 13,2 до 7,7 процента, владений размером от 10 до 20 га — с 6,8 до 4,3 процента. Площадь владений размером от 20 до 50 га также сократилась с 20 до 18 процентов. Крупная же собственность, напротив, прогрессировала: если в 1822 году она составляла 40 процентов от общей площади, то в 1914 году она достигла 49,4 процента. Два крупных собственника владели почти половиной всей земельной площади и получали 45,5 процента всего дохода коммуны. Один из них, Сент-Уан-л'Омон (Saint-Ouen-l'Aumône), владел 51 га (или 9,5 процента всей территории коммуны) с доходом в 3606 франков (8,9 процента); другой — это Томассен, владения этой семьи были вновь сконцентрированы в руках одного лица, площадь их составляла 216 га (39,9 процента) и охватывала 460 парцелл, приносящих 14 784 франка дохода (36,6 процента).

Крупные собственники стремились укрупнить свои парцеллы. В то время как для собственников, владевших менее 1 га, средняя площадь каждой парцеллы составляла всего лишь 5,64 ар, эта средняя площадь парцеллы увеличивалась прямо пропорционально размеру земельной собственности. Для владений размером от 1 до 5 га она составляла 22,60 ар, а для хозяйства Томассена — 47 ар. Самой большой она была во владении, достигавшем 51 га, а именно 87,24 ар. Перегруппировка участков шла, таким образом, нога в ногу с концентрацией земельной собственности.

Концентрация земель в руках нескольких собственников, в основном в руках Томассена, привела к уменьшению числа собственников — уроженцев данной местности. Их осталось теперь только 23. «Чужаки» же, напротив, были столь же многочисленны в 1914 году, как и в 1822 году. Следовательно, концентрация собственности определенно усилилась с начала XIX века. Мировая война только еще более ускорила этот процесс.

Согласно пересмотренному кадастровому реестру 1940 года, в Пюизё — Понтуазе оставалось только 68 собственников. Но Томассен один владел 68,7 процента всех земель коммуны (373 га, 289 парцелл) и получал доход, составлявший 68,3 процента всего дохода коммуны. Самой многочисленной категорией собственников были мелкие собственники, имевшие менее 1 га, причем 46 собственников поделили между собою 14 га, или 2,7 процента общей площади коммуны (2,8 процента всего дохода); 44 из

этих мелких собственников проживали в соседних коммунах или в Понтуазе, из двух остальных — один погонщик волов, а другой — тележник в Пюизё. Средняя площадь этих мелких хозяйств составляла 32 ар. Затем следует категория собственников, владевших от 1 до 5 га, их было 14, а общая площадь их земли составляла 37 га (6,8 процента общей площади коммуны и 7,2 процента общего дохода), то есть в среднем по 2 га на каждого собственника. Три хозяйства размером от 5 до 10 га занимали площадь 19 га (3,5 процента общей площади и 2,2 процента общего дохода), и, наконец, 18,7 процента общей площади (19,4 процента дохода) приходилось на 4 хозяйства размером от 20 до 50 га. Все эти собственники проживали в соседних деревнях. Только небольшая часть их поля была расположена на территории Пюизё. Томассен также владел многочисленными участками в соседних коммунах. Таким образом, в Пюизё, если исключить Томассена (который к тому же проживал в Понтуазе), осталось только два мелких собственника, последние представители многочисленного крестьянства конца XVIII века и начала XIX века. В своей борьбе за землю это крестьянство было устранено крупными землевладельцами — непосредственными потомками крупных фермеров старого порядка, экономической мощи которых если и не создала, то, во всяком случае, укрепила революция. Поскольку землю продолжают покупать и продавать, то можно легко предвидеть тот день, когда вся земля коммуны Пюизё перейдет полностью в руки господина Томассена и, таким образом, будет закончена эволюция, направленная к полной концентрации земель.

Дабы лучше проследить общую эволюцию земельной собственности в Пюизё с начала XIX века, следует пересмотреть теперь различные данные одно за другим.

Число землевладельцев уменьшилось с 212 в 1822 году до 170 в 1914 году и до 68 в 1940 году. Но эти цифры необходимо сопоставить с изменением процентного соотношения различных видов собственности. Мелкая собственность размером менее 1 га постоянно уменьшалась: если в 1822 году общая площадь ее составляла 7,2 процента, то в 1914 году она равнялась 4,2 процента, а в 1940 году уменьшилась до 2,7 процента. Ее доходность, само собой разумеется, претерпела ту же эволюцию. Собственность размером от 1 до 5 га сохранилась дольше. Она даже не-

сколько увеличилась в XIX веке (12,8 процента общей площади в 1822 году и 15,1 процента в 1914 году), но после войны окончательно пришла в упадок. Отныне она занимала только 6,8 процента общей площади. Собственность размером от 5 до 10 га также неуклонно сокращалась: с 13,2 процента в 1822 году до 7,7 процента в 1914 году и до 3,5 процента в 1940 году. С другой стороны, собственность размером от 20 до 50 га удерживалась примерно на том же уровне, а именно 20 процентов общей площади в 1822 году и 18,7 процента в 1940 году. Крупная земельная собственность с площадью, превышающей 100 га, претерпела обратную эволюцию. Если она и не существовала еще в 1822 году (так как хозяйство Томассена было в это время разделено на два), то за время с 1914 по 1940 год она увеличилась с 39,9 до 68,7 процента общей площади.

Одновременно с концентрацией собственности идет укрупнение парцелл. С 1914 до 1940 года число парцелл сократилось весьма существенно — с 1689 до 594, иначе говоря, средняя площадь парцелл увеличилась. Но это увеличение не было одинаковым для разных типов собственности. Для мелкой собственности размером менее 1 га средняя площадь отдельной парцеллы увеличилась с 5 ар в 1914 году до 14 ар в 1940 году. Для хозяйств с площадью от 1 до 5 га — с 22 до 44 ар. Самые крупные парцеллы наблюдаются в хозяйствах с площадью от 5 до 10 га; с 1914 года их средняя площадь увеличилась с 76 ар до 2 га 12 ар. Крупная собственность, превышающая 100 га, не смогла добиться таких успехов в укрупнении ее участков: средняя площадь парцеллы увеличилась с 1914 до 1940 года лишь с 47 ар до 1 га 62 ар. Укрупнение парцелл было вызвано в основном концентрацией собственности. Оно усилилось также в связи с механизацией обработки земли. В самом деле, вспашка земли плугом не нарушает традиционных границ открытых длинных полей, в то время как трактор требует широких пространств земли и стремится стереть эти границы.

За 150 лет концентрация собственности если и не привела на территории Пюизё к коренному изменению ее пейзажа, то, во всяком случае, полностью преобразовала ее социально-экономическую структуру. Прежнее крестьянство, привязанное к земле, служившей ему источником существования, к деревне, которую оно населяло в течение

многих поколений, было постепенно вытеснено благодаря прогрессу крупной земельной собственности и, за редкими исключениями, исчезло на этой древней территории, а на смену ему пришел пролетариат, не связанный с землей, которую он обрабатывал, причем состав его постоянно менялся. Пюизё стала деревней без души.

Этим социально-экономическим изменениям способствовало и с выгодой их использовало хозяйство Томассена. Возникнув в 1767 году, оно добилось к 1940 году настоящей монополии в сельскохозяйственной жизни Пюизё.

III. Эволюция собственности Томассена

В 1766 году в податных списках тальи в Пюизё упоминается в первый раз имя Шарля Антуана Теофила Томассена, арендатора сеньориальной фермы. В 1940 году в кадастровом реестре было записано 24 га за «гражданским и частным обществом Томассен» и 349 га — за обоими братьями Томассенами, Рене и Жаном. Всего, таким образом, 373 га.

Каковы же этапы необычной фортуны этой династии крупных собственников?

А. Хозяйство Томассена в конце старого порядка¹

В 1766 году основатель династии Томассенов взял в аренду сеньориальную ферму в Пюизё (185 га) после того, как предыдущий арендатор снял основную часть урожая. В этом году он уплатил «за черную ржаную муку и другое зерно, собранное согласно обычаю», только 57 ливров налога. 1767 год был первым годом нормальной эксплуатации фермы. Доход от фермы поднялся до 5800 ливров, налоги же составили 1874 ливра (из которых 1328 ливров тальи и 546 ливров подушной подати). Обрабатывая 33 процента всех земель прихода, Томассен платил 42,1 процента общей суммы налогов, возложенных на приход.

Рабочий персонал его фермы состоял из возчика, рабочего (valet de cour) и 2 служанок.

В первые же годы Томассен увеличил площадь своего хозяйства, взяв в аренду другие земли; в 1771 году он арендовал 4 га 59 ар у Нотр-Дам в Понтуазе и 1 га 33 ар у матюренов. В 1772 году он присоединил к этому ферму Мекинеля (Mesquinel), которая стала приносить ему 500 ливров дохода. В 1773 году Томассен обрабатывал в общей сложности 224 га, то есть 40,2 процента всех земель прихода, и платил 50 процентов налогов, возложенных на приход. Помимо обработки земли, он занялся торговлей мукой. В связи с расширением хозяйства увеличилось и число наемных работников; теперь у него было 4 возчика, 2 служанки и 1 пастух. Это было время наибольшего расцвета хозяйства Томассена при старом порядке.

О первой покупке Томассеном земель упоминается в 1780 году; он купил 1 га 48 ар, в то время как 210 га обрабатывал на арендных началах. Хозяйство Томассена в это время несколько уменьшилось: оно объединяло только 38,1 процента всей земельной площади прихода, а его хозяин должен был платить 49,2 процента общей суммы налогов. Это отразилось и на составе рабочего персонала. На ферме работало теперь только 2 возчика и 2 служанки.

Сокращение площади хозяйства Томассена продолжалось до 1789 года. Основной источник — податные списки тальи — не дает возможности точно установить причину этого уменьшения. Несомненно, крупное арендаторское хозяйство Томассена не осталось в стороне от общей эволюции конца XVIII века, о которой мы уже упоминали: речь идет об определенном отступлении, хотя и незначительном, крупных арендаторских хозяйств перед успехами мелких собственников. Но если площадь арендованных земель имела тенденцию к сокращению, то площадь земель, приобретаемых в собственность, наоборот, увеличивалась. В 1788 году Томассен владел 3 га 86 ар на правах собственности из общего числа в 185 га (35,9 процента общей земельной площади прихода).

Накануне революции хозяйство Томассена занимало только 33,1 процента земель прихода и уплачивало 36,6 процента общей суммы налогов. Из этих 184 га 3 га 86 ар (2,5 процента) были его собственностью. Ферма

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, C 231.

сеньёра состояла теперь только из 150 га, так как маркиз де Жирарден отделил от нее 30 га. Остальные земли были взяты в аренду у буржуа соседних местностей, а именно 23 га у Мекинеля из Понтуаза и 6 га у сьера Модара из Сервила (Cerville). 3 возчика и 3 служанки составляли рабочий персонал хозяйства.

Революция приостановила этот медленный процесс упадка хозяйства Томассена и дала Томассену возможность выйти в ряды крупных собственников.

Б. Покупка национальных имуществ¹

Отсутствие документов не позволяет нам проследить эволюцию хозяйства Шарля Антуана Томассена во время революции. Тем не менее мы можем проследить за его успехами в качестве земельного собственника. С 1791 года по III год Республики он был самым крупным покупателем национальных имуществ в Пюизё. Крупный арендатор старого порядка сделался крупным собственником нового времени.

В течение 5 лет Томассен приобрел 74 га из национальных имуществ первого происхождения* на общую сумму 104 800 ливров. Если даже принять во внимание обесценение ассигнатов, что благоприятствовало этим покупкам, можно все же утверждать, что эксплуатация сеньериальной фермы с 1767 по 1789 год оказалась прибыльным делом, ибо позволила арендатору создать подобное имение. Если в 1789 году он владел на правах собственности только 3 га 86 ар (0,75 процента общей площади), то в III году Республики ему уже принадлежало 78 га.

Самой крупной покупкой Томассена было приобретение фермы «la Seaule» (55 га) вместе со строениями, принадлежавшей аббатству Сен-Мартен в Понтуазе и являвшейся самой крупной фермой в Пюизё после сеньериальной фермы. Остальные приобретения состояли из пахотных земель, принадлежавших разным церковным организациям и общинам (церковному приходу Пюизё, маторенам, церковному совету Нотр-Дам в Понтуазе).

Владения Томассена уже не ограничивались пределами территории Пюизё: он имел земли и на территории приходов Они (Osny) и Сержи (Sergy).

Продажа национальных имуществ позволила, таким образом, Томассену заложить на развалинах церковного имущества прочные основы крупной собственности. Ее роль еще более усилилась в XIX веке.

В. К земельной монополии (XIX и XX века)

Что касается современной эпохи, то кадастровые реестры 1822, 1914 и 1940 годов позволяют проследить дальнейший рост владений Томассена.

В 1822 году, со смертью основателя династии, его собственность оказалась поделенной между двумя сыновьями — Шарлем и Виктором. Первый получил 51 га 88 ар с доходом 3011 франков, а второй — 98 га 76 ар, приносящих 6262 франка дохода. Общая площадь земли, принадлежащей обоим братьям, составила, следовательно, 150 га 64 ар, то есть 27,5 процента общей площади коммун, а ее доход — 28 процентов общего дохода. Эти цифры свидетельствуют о значительном росте хозяйства со времени III года Республики, когда Томассену принадлежали на правах собственности только 78 га. За 30 лет Томассены удвоили свои владения. Собственность разночинцев (la propriété roturière), или, точнее, буржуа (Томассены не были уже крестьянами), окончательно берет верх над прежней привилегированной собственностью. Революция уничтожила в Пюизё церковную собственность, Реставрация стала свидетельницей гибели дворянской собственности. Остатки прежней сеньериальной фермы маркиза де Жирардена, благополучно пережившего революцию, послужили дальнейшему обогащению Томассенов. В 1818 году¹, по смерти его вдовы, владение маркиза было продано. Сопоставление отчетов о продаже национальных имуществ с данными кадастровых реестров 1822 года показывает, что Томассен был главным покупателем этого имущества.

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, série Q.

* То есть бывших церковных владений. — *Прим., ред.*

¹ Archives départementales de Seine-et-Oise, Monographies communales, XXII.

Мы лишены возможности проследить шаг за шагом развитие хозяйства семьи Томассен в течение всего XIX века. Эти собиратели земель, приобретая одну parcelлу за другой, распространяли понемногу на Пюизё и соседние коммуны свою экономическую власть (а за ней следовала и политическая власть; они становились, так сказать, наследственными мэрами коммуны). Мелкое крестьянство Пюизё было устранено крупным собственником.

В 1914 году Луи Томассен владел 460 parcelлами (216 га 21 ар, или 39,9 процента всей земельной площади), которые приносили ему доход 14784 франка (36,6 процента общего дохода коммуны). Поступательное движение еще более усилилось в период между двумя мировыми войнами. В 1940 году хозяйство Томассенов занимало 373 га 91 ар, или 68,7 процента общей площади коммуны, принося его владельцам 68,3 процента общего дохода коммуны. Эти цифры относятся к двум владениям, а именно к владению «гражданского и частного общества Томассен» (24 га 18 ар) и к владениям братьев Рене и Жана Томассен (349 га 72 ар).

Концентрация собственности влечет за собой укрупнение и перегруппировку parcelл: если в 1914 году 216 га были разделены на 460 parcelл, то в 1940 году 289 parcelл составляли 373 га. Эти цифры свидетельствуют также о прогрессе механизированной обработки земли.

С 1940 года Томассены продолжали увеличивать свое хозяйство путем приобретения некоторых участков, вклинивавшихся в их владения. Крупная собственность все более укрепляла свои позиции, стремясь к земельной монополии. Революция освободила собственность от ее средневековых оков лишь для того, чтобы облегчить развитие нового феодального строя, гораздо более мощного, — явление первостепенного социального значения, поскольку оно привело к исчезновению мелкого крестьянства в Пюизё.

Г. Современное хозяйство — «ферма-завод»

Не прошло и двух столетий, как прежняя деревня с дроблением полей, с мелким хозяйством превратилась в единое хозяйство, которое А. Деманжон называет

«ферма-деревня». Между тем интенсивное земледелие насчитывает всего лишь сто лет. До середины XIX века практиковался трехпольный севооборот, со сменой зерновых культур и пара. В 1856 году Ш. Томассен построил винокуренный завод для переработки его свекловицы.

В 1943 году главная роль во владениях Томассенов отводилась пашне: под пашню было занято 341 га из 373, или 91,3 процента всей земли хозяйства и 72,4 процента пахотной площади коммуны; леса занимали только 13 га (3,5 процента всей земли Томассенов и 37,4 процента всех лесов территории Пюизё); луга занимали 8 га (2,2 процента всей земли Томассенов и 58,9 процента всех лугов коммуны). Это небольшое пространство естественных лугов, расположенных на второсортных и третьесортных землях, не могло бы обеспечить корм для скота, который доставляли почти исключительно пахотные земли. Наконец, сады, предназначенные для сельских рабочих, занимали площадь 4 га, или 1 процент всей площади хозяйства и 67,8 процента земли коммуны, отведенной под сад.

Рассматривая все хозяйство в целом, следует отметить, что в 1943 году оно имело 600 га как собственных, так и арендованных земель, расположенных на территории Пюизё и в соседних коммунах. Два больших массива были отведены под пшеницу (210 га) и свекловицу (150 га); овес занимал 130 га, люцерна — 50 га и, наконец, разные другие культуры (кукуруза, рожь, ячмень и в зависимости от качества почвы сады) занимали примерно 50 га.

Интенсивная культура свекловицы и пшеница требовали обильного удобрения: навоза, компоста (gadoue), химических удобрений. Свекловица требовала от 30 до 35 тонн навоза или от 60 до 70 тонн компоста плюс 5 или 7 тонн химических удобрений на гектар. Сеяли в основном озимую пшеницу. В случае дождливой осени посеы яровой пшеницы возрастали. Большую часть этой пшеницы продавали на мельницы. Озимый овес уступил место яровому овсу, который шел главным образом на корм скоту.

Живой инвентарь состоял до войны из 40 лошадей и 30 нивернейских быков. В настоящее время он состоит примерно из 20 лошадей и четырех пар быков. Лошади

были куплены лет 5 тому назад и используются на работе, пока не выйдут из строя. Быки, около трети которых ежегодно обновляется, выписываются из Крёза или Нивернэ. Забракованных быков откармливают выжимками и жмыхами и продают на рынках в Понтаузе и Париже. Специализируясь на откорме скота, хозяйство имеет только несколько коров, предназначенных для снабжения молоком жителей деревни. Наконец, в хозяйстве имеется около 1000 овец, производящих ягнят, предназначенных для отправки на бойню. Состарившихся маток также откармливают на убой. Стрижка овец производится ежегодно в феврале—марте при помощи двух электрических машинок.

Сокращение поголовья рабочего скота было компенсировано применением сельскохозяйственных машин. В 1934 году в хозяйстве насчитывалось 5 тракторов. Оно располагает еще 2 тракторами и 2 гусеничными тракторами. До войны каждый год вспашка около 50 га крупной пахоты поручалась специальному предприятию, которое брало подряды на производство пахоты с применением электромеханизмов.

Наряду с преобладанием пашни другой характерной особенностью фермы-деревни в Пюизё является существование на ее территории промышленного спиртоперегонного завода. Старый завод 1856 года подвергся в 1913 году реконструкции; новый завод может перерабатывать ежедневно около 100 тонн свекловицы (старый завод перерабатывал только около 50 тонн). С тех пор его рабочая мощность была доведена до 130 тонн. Винокуренный завод работает с середины октября до середины декабря. В 1927 году он переработал 5300 тонн свекловицы и произвел 4112 гектолитров спирта, проданного в Париже.

Этот огромный сельскохозяйственный завод (обработка земли и винокуренный завод) работает под руководством хозяина и управляющего (*chef de culture*), а также нескольких заведующих отдельными службами (скотный двор, средства перевозки, тракторы). Рабочий персонал состоит из 60 семейств; все они живут в домах, принадлежащих хозяйству. Более половины этих сельскохозяйственных рабочих составляют поляки, остальные родом из Бретани, Лозера, Пикардии, некогда поселившиеся в Пюизё. Французы заняты главным образом на

работах в кузнице, на тележных работах и работах с механизмами; используют их и во внутренних службах (склады, откорм скота, молотьба). Французские возчики из семей, издавна живших в этом краю, постепенно исчезают. Рабочий персонал винокуренного завода состоит из одного мастера и его помощника, которые с помощью 2 или 3 рабочих работают там круглый год. Они занимаются также ремонтом мелкого инвентаря и следят за его состоянием. До войны для уборки свекловицы и для переработки ее на заводе с начала октября и до конца декабря приезжала бригада бельгийских рабочих.

Интенсивное сельское хозяйство, механизация земледельческих работ, наличие сельскохозяйственного пролетариата — вот три тесно связанные между собой и обуславливающие друг друга черты, которые узаконивают за хозяйством Томассенов название «ферма-завод». С нашей точки зрения, этому названию следует отдать предпочтение перед названием «ферма-деревня», данным А. Деманжоном. Если это последнее выражение «ферма-деревня» и дает представление об огромных масштабах хозяйства семьи Томассен, то выражение «ферма-завод» лучше отражает его различные социально-экономические аспекты.

Заключение

Менее чем за два столетия экономическая и социальная действительность Пюизё глубоко изменилась, сохранив, однако, традиционные черты сельского пейзажа. Однако объяснение всех этих характерных для сегодняшнего дня черт сельскохозяйственного облика Пюизё следует искать в прошлом — в XVIII веке и даже много раньше. Происхождение преобладания, а затем и земельной монополии крупной собственности следует искать в исконном преобладании пахарей (*laboueurs*), так же как исчезновение мелкого крестьянства имеет своим источником борьбу между пахарями и батраками. Появление и развитие сельского капитализма, были ли носителями его дворяне, буржуа или крупные фермеры (интересующий нас случай), являлось зародышем, из которого выросло торжество крупного хозяйства. Крупное хозяйство спо-

собствовало, кроме того, переходу от древнего способа ведения хозяйства к интенсивному и механизированному сельскому хозяйству. Оно сделало возможным агротехнический переворот, которому, как нам представляется, способствовала сама природа открытого ландшафта. Распорядки открытых полей, крупное хозяйство, механизированная обработка — эти различные черты современной экономики Пюизё, тесно связанные между собой, — обуславливают друг друга и позволяют нарисовать картину области современного крупного сельского хозяйства.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

1. Archives départementales de Seine-et-Oise:
C 105 — Plan d'intendance, 1777.
C 106 — Procès-verbal d'arpentage, 1777.
C 167 — Etats de situation des paroisses et tableau de répartition des tailles et de la capitation, 1768—1783.
C 231 — Rôle des tailles de Puisseux — Pontoise, de 1685 à 1789. Monographies communales par les instituteurs publics de Seine-et-Oise, XXII, 1899.
2. Archives communales de Puisseux-Pontoise.
Plans parcellaires et matrices cadastrales de 1822, 1914 et 1940.

II. Библиография

1. A. Demangeon, L'Ouest de l'Île-de-France et la Normandie (Congrès international de géographie, Paris, 1931), p. 13—14, «La grande culture à Puisseux».
2. R. Thomassin, Esquisse de l'évolution d'une grande exploitation agricole du Vexin français (compte rendu des travaux de la IIe session de la Conférence des Sociétés savantes de Seine-et-Oise, 1933, p. 147—152).
3. O. Tulipe, L'Habitat rural en Seine-et-Oise, essai de géographie du peuplement, 1934.

Тематически связанные материалы

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг.

Ж.Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху Террора (1793-1794)

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

А.Собуль. Французская сельская община (XVIII-XIX века)

А.Адо. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г.

А.Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.

В.Малов. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII–XIX веках (Опыт корреляционного анализа)

А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)

А.Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь аграрного законодательства якобинцев

А.Адо. Муниципальные выборы, первичные собрания и социальная борьба во французской деревне (1790 г.).

А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка – середина XIX в.)

К истории петиции, представленной Пьером Доливье Законодательному собранию 1 мая 1792 г. Публикация *А.Адо*

К.Женден. Земельная рента во Франции от конца Старого порядка до Первой империи

Ф.Потемкин. Агрономическая практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции во второй половине XVIII – начале XIX в.

А.Адо. Научное наследие Н.М.Лукина и некоторые проблемы истории крестьянства во время Великой французской революции

В.Лавровский. Экспроприация английского крестьянства в XVIII в.

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты

Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», том 3)

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного Собрания

Аграрное законодательство Законодательного Собрания

Аграрное законодательство монтаньяров